
Црина Лобусова

букет из
Оперного театра
Одесса

РОМАН «БУКЕТ ИЗ ОПЕРНОГО ТЕАТРА»
ТРЕТИЙ В СЕРИИ «РЕТРОРОМАН»,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ЖИЗНИ ОДЕССЫ

• • •

ВАЖНО

В ПАВИЛЬОНАХ ПОСТРОЕННОЙ В ОДЕССЕ ПОЧТИ НА БЕРЕГУ МОРЯ КИНОФАБРИКИ «МИРОГРАФ» СНИМАЕТСЯ ОЧЕРЕДНОЙ ФИЛЬМ. НО ПРИГЛАШЕННЫХ НА ГЛАВНУЮ РОЛЬ АКТРИС ОДНУ ЗА ДРУГОЙ НАХОДЯТ ЛЕЖАЩИМИ В ГРОБУ, УСПАНЫМИ ДИВНЫМИ ЦВЕТАМИ И... С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ. ЧТОБЫ ЗАКОНЧИТЬ ФИЛЬМ, ДИРЕКТОР КИНОФАБРИКИ ПРИГЛАШАЕТ САМУ ВЕРУ ХОЛОДНУЮ. НЕУЖЕЛИ И ЕЕ ЖИЗНИ ЧТО-ТО УГРОЖАЕТ? ПРИ ЭТОМ АКТРИСУ ОБЕЩАЕТ ОХРАНЯТЬ САМ МИШКА ЯПОНЧИК, НЕ УСТОЯВШИЙ ПЕРЕД ЕЕ ЧАРАМИ...

FOLIO

Ирина Игоревна Лобусова

Букет из Оперного театра

Серия «Ретророман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25922420

Букет из Оперного театра / Ирина Лобусова; худож.-оформитель Е.

А. Гугалова.: Фолио; Харьков; 2017

ISBN 978-966-03-7856-8

Аннотация

В павильонах построенной в Одессе почти на берегу моря кинофабрики «Мирограф» снимается очередной фильм. Но приглашенных на главную роль актрис одну за другой находят лежащими в гробу, усыпанными дивными цветами и... с петлей на шее. Чтобы закончить фильм, директор кинофабрики приглашает саму Веру Холодную. Неужели и ее жизни что-то угрожает? При этом актрису обещает охранять сам Мишка Япончик, не устоявший перед ее чарами...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	57
Глава 5	75
Глава 6	93
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Ирина Лобусова

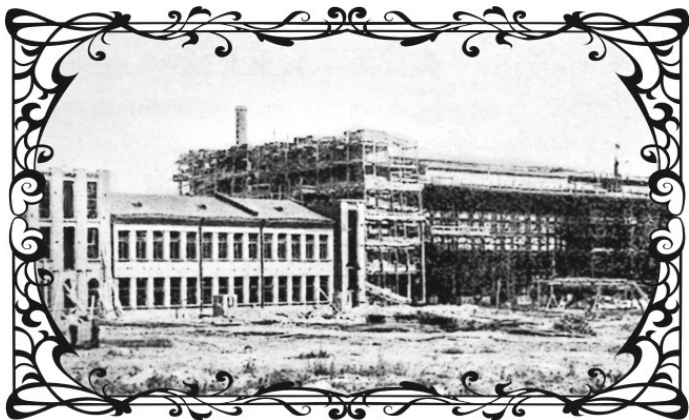
Букет из Оперного театра

Серия «Ретророман» основана в 2015 году

Художник-оформитель *Е. А. Гугалова*

Глава 1

В павильонах кинофабрики «Мирограф». Синяя орхидея. Последняя сцена мадемуазель Карины. Кража алмазов Эльзаканиди

Одесса, весна 1918 года

Яркие лампы съемочных камер выключили, и по павильону кинофабрики тут же разлилась пленительная прохлада, пришедшая с моря. В перерыве между съемками стоял такой шум, что сложно было не только понять какие-то слова, но и перекрыть этот оглушающий, пестрый и все же пленительный хор. Стая девушек-статисток в шелковых шальварах

толпилась вокруг помощника режиссера, пытаясь шутками привлечь его внимание.

Снимали восточную драму из жизни персидского шаха под рабочим названием «Любовь и смерть», и съемочные павильоны были разукрашены разноцветными шелками костюмов актеров, которые, тем не менее, все равно нельзя будет разглядеть в фильме, ведь там были только два цвета – белый и черный, и пестрые, многоцветные в жизни одеяния статисток сливались в фильме в единую темную полосу.

Актрис, изображавших наложниц шахского гарема, было не много – большая массовка еще не помещалась в кадр, несмотря на то что некоторые экспериментаторы из всех сил пытались расширить возможности камер, работая и с движением, и с ракурсом. Однако это было достаточно сложно. Из-за дороговизны киносъемочной пленки сцены снимались сразу набело, без всяких подготовительных дублей и кадров, а потому делать это приходилось с того самого ракурса, который был самым удачным в предыдущий раз. Фильмов снималось много, и работа операторов была доведена почти до автоматизма, чтобы не тратить лишнее количество драгоценной пленки, а сразу выдавать готовый качественный результат.

Больше всего все актеры, участвующие в сценах фильма, обожали момент, когда на съемочной площадке выключали лампы-прожектора, которые были такими горячими, что могли обжечь кожу. От них немилосердно растекался грим,

и лица сразу становились похожими на подтаявшую восковую маску. И его снова и снова приходилось поправлять.

Когда же выключали лампы и камеру, и режиссер подавал знак, что сцена снята, в воздухе тут же разливался благодатный шум того неповторимого мира, который навсегда изменял жизнь тех, кто хоть раз прикоснулся к нему.

Это за стенами павильонов кинофабрики свирепствовали разруха, голод, война, погружая рухнувший мир в пучину отчаяния и хаоса. Здесь же царил мир совершенно другой – живущий по своим собственным законам, не имеющий ничего общего с печальной реальностью.

Двое мужчин прогуливались вдоль дорожек сада, окружавшего стеклянный павильон. Стояла середина весны, воздух был кристально чистым и свежим, в нем только-только появился аромат распускающейся зелени, особенно остро и пряно чувствовавшийся именно здесь. Павильоны кинофабрики специально были построены в самом красивом месте, над морем, с тем, чтобы внутри всегда был самый лучший свет. А полоса далекого моря с обрывом казалась сказочным царством вдохновения, способным побудить к любым подвигам. В том числе и к самым тяжелым в новом виде искусства, которое только пришло в мир.

Но несмотря на красоту, мужчины были сосредоточены и хмуры, и, судя по выражениям их лиц, они не замечали ни красивого весеннего дня, ни моря, сверкающего, как драгоценность в свете солнца, ни даже стайки кокетливо одетых в

восточные костюмы девиц, которые все норовили специально попасться им на глаза.

– Не нравится мне все это... – хмурился деловитый и серьезный режиссер фильма, молодой мужчина с растрепанной черной как смоль бородой. Несмотря на молодой возраст, он уже успел прославиться благодаря множеству картин, снятых на фабрике. Среди всех режиссеров кинофабрики «Мирограф» он считался одним из лучших.

– Не нравится мне все это... – повторил он, – говорите, что хотите, но она мне не нравится! Дрянь баба! Так и задущил бы своими собственными руками! Из-за нее уже столько пленки испорчено. Запрет она весь фильм, вот сами увидите.

– Дорогой мой, я деньги не печатаю, и с неба они ко мне не падают, – снисходительно улыбнулся мужчина постарше, в котором можно было узнать владельца кинофабрики «Мирограф» Дмитрия Харитонова, – на сегодняшний день эта Карина – лучший вариант. Она стоит дешево – потому что местная. Известна в городе по выступлениям в кабаре. И люди с удовольствием придут на нее посмотреть.

– Да она вообще не актриса! – вспыхнул режиссер, – так, подстилка бандитская! С кем она там шляется, с Котовским? Ее просто в шею надо отсюда гнать!

– Ты язык-то придержи, – нахмурился в ответ Харитонов. – Мне неприятности не нужны. Доснимешь картину – и выгонишь, куда захочешь. А пока...

– Над нами будут смеяться, – угрюмо тянул свое режиссер, – она ничего не понимает. Ни пластики у нее нет, ни грации. Двигается, как корова. Глаза тупые. Один гонор. А гонор в пленку не впихнешь.

– Не грусти, – Харитонов покровительственно похлопал молодого режиссера по плечу, – есть у меня один план – пальчики оближешь! Я скоро буду добираться до Москвы. Потолкую кое о чем с Луначарским. И, если получится, привезу тебе тех, о ком ты и мечтать не можешь! Вот погоди!

– Я догадываюсь, кого вы хотите привезти! – засиял всеми красками режиссер. – Это будет удача так удача! А вы уверены, что получится? Вы разве знаете Луначарского?

Харитонов только ухмыльнулся. Но в тот же момент их беседу нарушили громкие женские крики, доносящиеся из стеклянного павильона. Выделялся визгливый вульгарный женский голос, судя по всему, выкрикивающий ругательства, – из-за расстояния они были неразборчивы.

– Вот видите! – сокрушенно вздохнул режиссер, – ну как, скажите на милость, все это выносить?

Харитонов и режиссер поспешили на крики. В стеклянном павильоне ругались две девицы. Они потрясали кулаками, выкрикивая самые грязные простонародные оскорбления знаменитых одесских торговек – тут они звучали уже очень разборчиво, к вящему удовольствию присутствующих при этом спектакле.

– Мадемуазель Карина, держите себя в руках! – Зычным

голосом режиссер попытался урезонить яркую брюнетку с пышной грудью, вызывающе проступавшей сквозь шелковый восточный костюм.

– Да она... да халамидница проклятая... да к моим вещам... своими зараженными кривыми руками... – загудела брюнетка, – она мои сережки пыталась стырить, вошь воробаятая!

– Шо? Да засунь ты свои сережки ослу в жопу! – завизжала блондинка. – Кому они надо? Дрэк подзаборный, а не сережки! Сама халамидница! Родилась за базар, торговка привозная, а строишь за себя за невесть шо! Кура ты недощипаная, блоха безглазая! Шоб у тебя патлы с зубами все повылазили, как я буду за это смотреть!..

Без лишних слов режиссер велел своему помощнику (тому самому, который возился с лампами) увести разбушевавшуюся блондинку. И тот, хотя и с трудом, справился с этой задачей, удалившись вместе с ней и со стайкой вызвавшихся сопровождать их статисток.

– Нельзя так, мадемуазель Карина, – попытался режиссер, но брюнетка сразу на него вскинулась:

– Шо? Да я тебя в виду имела, щвицер недоделанный! Знаю, что я за тебе не нравлюсь, смотришь на меня, как солдат на вошь!

Режиссер нахмурился и хотел было резко ответить, но в этот момент к ним подошел один из сотрудников кинофабрики и отрапортовал Харитонову, который, стоя в стороне,

наблюдал всю эту сцену.

– Господин директор, драгоценности привезли!

Фраза донеслась до брюнетки, и всю ее ярость как рукой сняло. Глаза ее засверкали, она двинулась к Харитонову.

– Это за правда, господин директор? Те драгоценности, за которые вы вчера говорили?

– Они самые, – подтвердил Харитонов, – сцена смерти будет сниматься в знаменитых алмазах Эльзаканиди. Я специально попросил их.

– Алмазы Эльзаканиди... – Глаза режиссера недобро сверкнули. – А говорили, что нет денег на лишние расходы...

– А это никакие не расходы, – сказал Харитонов, – я взял их на один час. Одолжил напрокат. Эльзаканиди мне одолжение в карты проиграл. Вот я и попросил алмазы для съемок. Они будут очень удачно смотреться в финальной сцене фильма, когда шах надевает свои самые роскошные украшения на мертвую наложницу.

– Можно взглянуть на них, господин директор? – Брюнетка наступала на директора кинофабрики, словно старалась протаранить его своей пышной грудью. – Ну хоть одним глазком! За них ведь говорит весь город!

– Вот на съемках и увидите, – Харитонов с явной неприязнью отстранился от нее и обернулся к своему служащему: – Вели посыльному занести шкатулку ко мне в кабинет. Я уже иду.

С разными выражениями лица Карина и режиссер филь-

ма смотрели в спину удалявшегося Харитонову. Наконец режиссер тяжело и облегченно вздохнул:

— Ну что, мадемуазель Карина, будем репетировать? Идите в комнату за павильоном, там уже приготовлены декорации для съемок сцены смерти, и ждите меня там.

Зло фыркнув, Карина удалилась. Мужчина еще раз тяжело вздохнул и скорбно воздел очи горе.

Между тем павильон уже заполнился актрисами-статистками, играющими в фильме. Их громкие голоса, как птичий щебет, весело, по-одесски звучали под крышей:

— Софа, ой, у тебя вся морда растеклась! Щека синяя не по сезону!.. Замотай шпильки за уши, как на рот!..

— От этих белил у меня синяк под глазом, как будто с таким фраером поздоровкалась за так, шо все завидовать будут!..

— Не тот фасон мне на голову твой бант на заднице, так шо лучше его в уши впрячь как за дохлую ночь с двухкопеечным шлепером, который за сто грамм вместо коня в пальте!..

Девушки шумели, шутили, громко смеялись. Ни у одной из них не было плохого настроения: будучи статистками одесских театров, варьете и кафе-штантанов, они были безмерно счастливы уже тем, что попали в манящий и загадочный мир кино.

Как ни странно это звучит, но неожиданным подспорьем для развития киноиндустрии в Одессе стала... Первая мировая война. Именно из-за нее полностью прекратился по-

ток иностранных кинофильмов, которые до 1914 года главенствовали на всех экранах. Место осталось свободным, и на него сразу же устремился отечественный кинематограф, который начал развиваться с невероятной скоростью.

Но особенной удачей для развития кино в Одессе опять-таки неожиданно стало то, что дела на фронте для российской армии складывались не совсем удачно. Сложно представить, но между тем фактом, что войска были вынуждены оставить Варшаву, и развитием в Одессе кинофабрики «Мирограф» была самая прямая связь.

Дело в том, что именно сюда из Варшавы эвакуировался вместе со всей своей семьей руководитель известных польских кинопредприятий «Сила» и «Космофильм» Мордко Товбин. Этот город он выбрал потому, что купил часть акций крупного одесского банка – Южного банка. В Одессе он решил стать компаньоном владельца студии «Мирограф» Мирона Гроссмана, взяв на себя управление всеми финансовыми вопросами и вложив в дело солидные деньги.

В период с 1916-го по 1917 год «Мирограф» снял около 15 фильмов, среди которых были серьезные, мастерские работы.

Февральская революция, развал страны, разруха, бесконечные уличные волнения – все это никак не сказывалось на кинематографе. Опытный специалист Товбин стал привлекать в «Мирограф» уже сформировавшийся класс кинопрофессионалов – режиссеров, операторов, осветителей, гриме-

ров. Все это подняло киностудию на новый уровень.

Но очень скоро Гроссман покинул «Мирограф», продав свою часть владения кинофабрикой предпринимателю из Харькова Дмитрию Харитонову. А еще через время Харитонов выкупил долю Товбина и стал единственным владельцем «Мирографа».

Харьковчанин действовал с размахом. Он вложил в «Мирограф» гораздо больше денег, чем Товбин и Гроссман, вместе взятые. Именно Харитонов выстроил несколько качественных съемочных павильонов на участке над морем.

Кинематографическая фабрика «Мирограф» находилась на дачном участке № 16 по Малофонтанской дороге. Купив участок № 33, Харитонов стал строить на нем стеклянные павильоны, что являлось новым словом в развитии кинопроизводства.

Новые фильмы на кинофабрике выходили каждые три недели – вот такими темпами работал «Мирограф». Их тут же как горячие пирожки раскупали прокатчики. Кинозвезды становились героями общества. Фильмам аплодировали люди самых разных слоев и социальных положений – налетчики и полицейские, бандиты и богатые купцы, солдаты и гимназистки, уличные девицы и почтенные матери семейств, банкиры и биндюжники, дантисты и босяки, модистки и воровки...

Кино прочно заняло свое место в обществе, покорив целый мир с легкостью, невиданной ни для одного из видов ис-

кусств. И очень скоро стало единственной радостью для тех, кто жил в тяжелые времена разрухи и смуты, не зная, что принесет завтрашний день.

Но кино полюбили не только зрители. Все актеры стремились попасть туда – несмотря на то что за съемки платили сущие копейки. И как правило, попадали, так как при таких темпах кинопроизводства необходим был постоянный и достаточно большой приток новых лиц, которые могли оживить и освежить фильм. Именно «Мирограф» впервые стал широко использовать массовку, то есть несколько людей, одновременно попадающих в кадр, пусть даже в виде фона для действий главных героев.

И это еще больше раскрыло двери кино для актеров всех видов и способностей, которые почти штурмовали ворота кинофабрики и с легкостью могли попасть в фильм.

Перерывы между съемками длились недолго. На съемочной площадке старались максимально использовать световой день. И очень скоро, позабыв смешной конфликт двух актрис, снова здесь засуетились люди, готовясь снимать подряд целых три сцены окончания фильма. Он был практически закончен.

Все с нетерпением ждали заключительной сцены – смерти любимой наложницы персидского шаха, ведь именно для нее были приготовлены роскошные драгоценности, чтобы создать мощный финальный аккорд: к вопросам костюмов, реквизитов, грима на студии «Мирограф» всегда подходили

очень детально.

Дмитрий Харитонов шел по коридору к своему кабинету, когда его внимание неожиданно привлекла чья-то тень. Он нахмурился – вход в эту часть кинофабрики был строго запрещен артистам, статистам и прочему обслуживающему персоналу. Здесь находились кабинеты владельца, финансового управляющего, нескольких режиссеров, с которыми у студии был длительный контракт, и всех тех, кто осуществлял на кинофабрике высшее, верховное руководство. А чья-то мелькающая тень означала, что запрет был нарушен и в святая святых посмел проникнуть посторонний. Куда только смотрят эти охранники?..

Харитонов нахмурился. Наверняка опять придется выгонять старых и нанимать новых. Эти босяки привыкли выполнять свои обязанности спустя рукава. А тень – наверняка одна из девиц, обнаглевших до такой степени, что решилась подкарауливать его в запретном коридоре. Эти артистки из массы для всего руководства были бичом божьим. Они были готовы на что угодно, лишь бы попасться на глаза. Их даже не останавливал тот факт, что за подобное поведение их просто вышвырнут со студии. Они буквально преследовали владельца студии, впрочем, не вызывая у него ничего, кроме усталости и отвращения.

Харитонов ускорил шаг и завернул за угол, стремясь поймать нахалку с поличным.

И точно: сразу за углом он разглядел девицу в съемочном

костюме, улепетывающую со всех ног. Харитонов увидел ее только со спины, но в глаза ему сразу бросился темно-синий шелк ее восточного костюма и длинные черные волосы под вуалью, по восточному обычаю наброшенную на голову. Волосы были распущены и развевались во время бега.

Все это ни о чем не сказало владельцу студии: в синий шелк были одеты почти все статистки, которые должны были участвовать в одной из последних сцен. Длинные черные волосы были у половины из них. Харитонов не видел ее лица, а то, что увидел, абсолютно выветрилось из памяти – обычная, ничем не примечательная девица из киносьемочной толпы.

Конечно, было в ней что-то странное – например, то, почему она убегала со всех ног после того, как пробралась в запретный коридор? Бежала вместо того, чтобы встретиться с ним? Но этому объяснение Харитонов нашел очень быстро: видимо, статистка потеряла смелость и перепугалась, что ее уволят. Духу ее хватило только на то, чтобы пробраться в коридор, а на остальное – нет. Мало того, что дура, так еще и труслива. В раздражении Харитонов передернул плечами, полностью выбросив незадачливую девицу из головы.

Он продолжил путь к своему кабинету, как вдруг, не доходя до него буквально пару шагов, обратил внимание на то, что посередине коридора лежит цветок с синими лепестками, странного, необычного для цветка окраса...

Нагнувшись, Харитонов поднял с пола небольшую синюю орхидею. Цветок явно оторвался от стебля. Держа в руках

находку, он буквально застыл.

Студия никогда не покупала подобных цветов для съемок, довольствуясь более экономным вариантом. Орхидеи стоили дорого, да и не продавались они на каждом углу, особенно такого редкого сорта. Что же мог означать этот цветок? Кто уронил его в коридоре? Неужели девица? Да подобная орхидея могла стоять больше, чем статистка заработала бы на кинофабрике за целый месяц!.. Тогда кто?

Ломая голову над этой странной загадкой, Харитонов машинально сунул цветок в карман и, открыв запертую дверь ключом, вошел в свой кабинет. На его письменном столе стояла большая шкатулка из сандалового дерева, где и лежали знаменитые алмазы. Отодвинув ее в сторону, Харитонов сел к столу и занялся финансовыми документами. Он погрузился в сложные переплетения схем и цифр, и странное происшествие с цветком и статисткой полностью вылетело у него из головы.

Итак, все было готово к съемкам трех завершающих сцен, не было только звезды. Взбешенный режиссер бегал по съемочной площадке и клял мадемуазель Карину на все лады. Несколько девиц были отправлены на розыск – обойти весь сад возле павильонов, заглянуть в уборную актрисы и обязательно в буфет. Блондинка, ругавшаяся с Кариной, ехидно прищурилась:

– А ведь именно вы видели ее последним! Куда же вы ее

дели?

– Куда там видел! – Режиссер только махнул рукой. – Так, пытался показать парочку жестов. Да разве с ней нормально порепетируешь? Чтобы не разругаться с ней вдрызг, я и ушел.

– Ну-ну, – хихикнула блондинка. О конфликте режиссера с Кариной знали все, даже самые последние сторожа кинофабрики и уборщицы.

Девицы вернулись, наперебой тараторя о том, что Карины нигде нет. Положение становилось катастрофическим. Последние сцены фильма необходимо было доснять сегодня. На завтра уже была назначена презентация нового фильма, на которую успели пригласить всех маститых акул пера. Даже выгнать за самоуправство беглую артистку было невозможно. Тогда пришлось бы переснимать весь фильм, а за такие лишние расходы никто по головке не погладит. Режиссер в отчаянии заламывал руки и клял себя за то, что не выгнал Карину после первой же сцены. Тогда ее выходки обошлись бы гораздо дешевле.

Кто-то предложил заглянуть в комнату, где был приготовлен реквизит к последней сцене. Там стояло огромное восточное ложе, по сценарию, на эту кровать шах должен был перенести мертвую наложницу, убившую себя из-за любви, и там украсить ее бездыханное тело самыми роскошными драгоценностями.

Режиссер нахмурился – предложение показалось ему

странным, ведь комната была заперта на ключ. Но, тем не менее, он взял ключ и в сопровождении свиты из девиц и технического персонала со съемочной площадки отправился туда.

Когда же двери открыли, перед глазами присутствующих предстало страшное зрелище. Единственное окно комнаты было закрыто плотным фанерным листом, чтобы в комнату не проникал дневной свет. Но внутри темно не было: возле огромного ложа были зажжены две толстых свечи. На кровати же, вытянувшись во весь рост и молитвенно сложив руки на груди, лежала мадемуазель Карина. Это все было по сценарию: она лежала почти в точности так, как должна была лежать в последней сцене фильма. Лицо ее было закрыто черной вуалью с блестками. А по кровати и на самой актрисе были рассыпаны охапки цветов. На груди Карины лежали синие орхидеи...

Она лежала неподвижно, не шевелясь. Замерли и все, кто протиснулся в комнату. В этом зрелище было что-то столь пугающее, настолько жуткое, что в первый момент никто даже не смог ничего произнести, всех сковал какой-то первобытный, леденящий кровь ужас.

Чувствуя, как ужас охватил и его, режиссер дрожащим голосом, запинаясь, произнес:

– Мадемуазель Карина... Вам нехорошо? Вы больны?

– Она спит? – с придыханием всхлипнула за его спиной какая-то статистка.

– Немедленно позовите Харитонову, – скомандовал режиссер помощнику, и тот со всех ног бросился выполнять приказ, радуясь возможности поскорей сбежать из страшной комнаты. В ожидании владельца студии все столпившиеся внутри комнаты были похожи на перепуганных овец, никто не осмеливался приблизиться к лежащей актрисе.

Харитонов появился достаточно быстро. Растолкав толпящихся в дверях, он бросил через плечо режиссеру: «Что это она еще вздумала?» и быстро подошел к кровати. Режиссеру не оставалось ничего другого, кроме как буквально поползти за ним.

Харитонов откинул с лица Карины вуаль, цветы при этом рассыпались по кровати. И заметно вздрогнул, разглядев на ее груди синие орхидеи.

Под откинутой вуалью было черное, перекошенное лицо с белыми выпученными белками глаз...

– Она задушена... – Голос Харитонova дрогнул. – Нужно сообщить властям...

Кто-то вскрикнул. Одна из статисток шумно упала в обморок. Режиссер увидел, что на шее Карины намотан черный женский чулок, которым, по всей видимости, ее и задушили.

– Матерь Божья... спаси нас... – Он не особо верил в Бога, но просто не находил других слов в такую страшную, отчаянную минуту.

Внезапно Харитонов вздрогнул, словно что-то вспомнив, и бегом бросился в свой кабинет. Режиссер последовал за

ним. В кабинете владелец студии быстро открыл сандаловую шкатулку. Глазам всех присутствующих открылся пустой черный бархат, которым была обита шкатулка.

– Алмазы исчезли! Они похищены! – во весь голос крикнул он.

Только тогда на студии началась паника – все принялись куда-то бежать, что-то кричать, поднялся невообразимый шум.

– Это женщина. Девушка с синими орхидеями, которую я видел в коридоре, – зло произнес Харитонов. – Вот что она делала – воровала драгоценности! Карина, возможно, случайно увидела это. Девушке пришлось ее задушить. А потом она инсценировала всю эту жуткую сцену. Наверное, задушила Карину в комнате, чтобы не тащить труп. Не забывайте, ее удавили женским чулком. Значит, убийца женщина. Воровка драгоценностей. Та самая...

Глава 2

Статистики Оперного театра. Третий букет. Шпионские страсти и бандитское подполье

Одесса, 1918 год

Гул голосов отражался от потолка, тонул под крышей и разносился по всему верхнему этажу – там, где находились раздевалки и гримерки статисток. Роскошное снаружи, внутри здание Оперного театра было многоярусным. И самый низший театральный персонал (статисты театра, создающие в любой массовой сцене фон) занимал верхний этаж, где разделенные комнаты служили одновременно и раздевалками,

и гримерками, и местом для репетиций.

Как не похожи были эти узкие клетушки на роскошные уборные примадонн, которые размещались на более нижних, а значит, престижных этажах! Там, в этих роскошных уборных, были и венецианские зеркала, и хрустальные канделябры, и бархатные диваны, и резные шкафы из красного дерева, где хранились костюмы для выступлений этих звезд, и прочий реквизит. В них было тихо и прохладно, двери закрывались без скрипа и шума, а персонал всегда ходил на цыпочках, боясь потревожить хрупкий покой звездных особ.

Наверху же всего этого не было. Статистов загнали под самую крышу, где летом было невыносимо душно и жарко, и очень холодно зимой. В душных, тесных, неотапливаемых помещениях в груды были навалены пыльные костюмы и сложенная мебель, вышедшая из употребления. Внутри всегда стоял страшный шум, так как по странному архитектурному капризу под крышу почему-то летели звуки чуть ли не из всех помещений театра.

И на фоне всех этих неудобств существовали люди, множество амбициозных людей, которые выносили весь этот кошмар только по одной причине: большинство из них мечтало, что в свою очередь скоро станет звездой. А раз так, то можно и потерпеть. Главное – попасть в театр. Так думали практически все статистики Оперного театра. Кроме одной.

Пробираясь к выходу сквозь груды наваленных в кучу костюмов (накануне давали «Бориса Годунова», и громоздкие,

из бархата, отороченные мехом, тяжелые костюмы хора и статистов почему-то свалили наверху) и держа наперевес довольно потертую сумку, Таня пробиралась к выходу, недовольно морщась от неприятного, затхлого запаха, постоянно здесь, наверху, стоящего. В этот день, в понедельник, спектакля не было, но репетиция длилась допоздна. В высоких окнах уже была видна разлившаяся темнота, и заглядывала любопытная луна, которая только раздражала уставших статисток, ведь большинство из них по ночам работали в кабаре.

Одесса буквально обросла этими многочисленными кабаре, они появлялись буквально на каждом шагу. Город желал веселиться до бесконечности, до упаду. И в кабаре до самого рассвета лилось рекой дорогое французское шампанское и звучала веселая музыка. А кокетливо раздетые девушки до упаду развлекали публику, приехавшую из Санкт-Петербурга и Москвы, без счета сорящую деньгами.

Появления же в окнах луны означало, что большинство девушек не успеет отдохнуть. Выйдя из Оперного театра и даже не заезжая домой, они сразу же разойдутся по ночным точкам своей работы, где, переодевшись в открытые и яркие костюмы, будут петь и танцевать, развлекая посетителей кабаре.

Хмурая Таня шла к выходу, прижимая к животу потрепанную сумку. От долгой репетиции у нее разболелась голова. Дирижер буквально извел хор, заставляя до бесконечно-

сти повторять одну и ту же музыкальную фразу. А его грозные крики и ругань (с хористами дирижер не стеснялся в выражениях) действовали на нервы как надсадная зубная боль.

Вдобавок в этот день им выдали жалованье – сущие копейки, прожить на которые не было никакой возможности. И если бы девушки не имели других источников дохода, каждая из них могла буквально умереть с голоду. Таня не нуждалась в деньгах. Но, как и всех остальных, ее жутко возмущала несправедливость этого факта: за долгие репетиции, поздние спектакли и нервотрепку от режиссеров, дирижеров и прочего руководства и платить следовало соответствующе! Быть артисткой оказалось не так заманчиво, как вначале представлялось.

Таня почти добралась до двери, как та вдруг распахнулась, и с коридора ее в лоб атаковали громкие голоса.

– Алмазова, ты в гардероб вчерашний костюм не сдала! Велено сдать немедленно! – первый. И второй, который (разозлившись на первый) Таня едва не пропустила мимо ушей:

– Там тебе снова... этот... Псих...

– Не я одна не сдала костюм в гардероб! – Таня, отодвинув сумку, уперлась кулаками в бока. Гардеробная находилась достаточно далеко, через несколько этажей, и перспектива тащиться по лестницам с тяжелым пыльным костюмом привела ее в ужас. – Вон их сколько валяется! Пусть гардеробщица придет и сама заберет! Или пришлет помощницу.

У нее же полно помощниц. За что они только деньги получают?

– Смотри, Алмазова, нарвешься! – Помощница режиссера зло посмотрела на Таню. – Не хочу за вас всех выговор получить!

– Иди, иди, – Таня махнула рукой, – я и без тебя опаздываю.

Взбешенная помощница унеслась по коридору, и тут только Таня вспомнила про второй голос.

Собственно, ей что-то сказала такая же статистка, как она, а потому Таня и не обратила на это особого внимания. Она перехватила собиравшуюся выходить девушку за локоть и потребовала объяснений:

– Что ты там сказала про психа?

Это была Фира, такая же статистка, как и Таня, с которой она сдружилась больше всех остальных:

– В коридор, говорю, выгляни. Там этот псих тебе снова цветы прислал. Идем, пока остальные не увидели. А то опять разговоры будут.

И Фира увлекла Таню за собой в коридор. У противоположной от двери стены узкого коридора стояла небольшая корзинка, полная черных роз. Среди них ярко выделялась белая записка. Фира быстро выдернула ее из цветов.

– Татьяне Алмазовой. Печатными буквами, – она потрясла запиской в воздухе, – точно так, как и в прошлые разы написано.

– Дай сюда! – Таня вырвала записку из рук Фиры. На белой глянцевой визитной карточке без всяких опознавательных знаков было от руки написано черными чернилами витиеватыми, несколько манерными буквами ее имя. Так писали еще при царском режиме, сказала бы Фира, и Таня была бы абсолютно согласна с ней.

Это был уже третий букет цветов. Вот уже третий букет цветов, который с периодичностью в несколько дней Тане посылал загадочный, желающий остаться неизвестным поклонник. В корзинку с цветами он вкладывал неизменную белую карточку, где всегда было написано ее имя. Только имя: два слова и ничего больше. Цветы же каждый раз были какими-то необычными.

В первый раз это были синие орхидеи, и получение таких цветов больше озадачило Таню, чем обрадовало. Ей вдруг стало неприятно и страшно – редкостные цветы наталкивали ее на неприятные воспоминания. К тому же стоили они целое состояние. Тот, кто купил такие цветы, потратился немало. И то, что он не только не указал свое имя, но и ничего не попытался потребовать взамен, вызывало у Тани тревогу и наталкивало на неприятные мысли.

Всякого человека, который живет двойной жизнью, особенно если вторая жизнь идет вразрез с законом, появление таких неожиданных, странных сюрпризов может испугать до полусмерти. Перепугалась и Таня, и страх ее только усилился, когда появился второй букет.

Во второй раз это были синие гвоздики – опять-таки в плетеной корзинке. Таня никогда не видела гвоздик такого странного цвета. Второй букет стал достоянием гласности – карточку внутри разглядели другие девушки, причем намного раньше, чем Таня, и на нее тут же обрушился шквал вопросов.

Таня сказала, что не знает, от кого цветы, и ей, понятно, не поверили. Она сказала, что цветы пугают ее, и над ней стали смеяться. Она вела себя так, словно цветы совершенно ее не трогают, и ей стали завидовать. Девушки расценивали Таню по своим собственным меркам. И то, что ее реакция могла отличаться от их реакции, не приходило, да и не могло прийти им в голову. Наверное, Таня была единственным человеком в мире, которую пугали странные цветы неизвестно от кого. Но все это она не собиралась объяснять.

Единственным человеком, с которым Таня поделилась своей тревогой, стала Фира, ее подруга из Оперного театра. И хоть Фира тоже не могла понять этого, она хотя бы пыталась.

– У меня такое чувство, что этими цветами меня пытаются втянуть в какую-то беду, – откровенно сказала Таня. – Я чувствую, что они посланы мне с недоброй целью. Это какая-то игра, причем игра плохая. Я их так боюсь, что даже не могу взять.

– Ты странная, – пожала плечами Фира. – Любая женщина в мире мечтала бы оказаться на твоём месте! Ну ты ж та-

ки подумай, какая романтика – тебе неизвестный поклонник посылает такие дорогие цветы!

– В том-то и оно, – отозвалась Таня, – дорогие цветы! Неизвестный поклонник! Они меня до смерти пугают. И я никак не могу побороть этот страх.

– А може, це хтось увидел тебя на сцене и влюбился? – предположила наивная Фира.

– Да что за глупость? – возмутилась Таня. – Разве можно меня разглядеть в такой толпе? Я вообще в пятом ряду стою! За костюмами лица не видно! А ты говоришь – увидел!..

Это была чистая правда: Таня стояла в последнем ряду – у нее был слабый голос. А дирижер хора безжалостно отправлял таких певиц в последний ряд.

– Ну тогда я не знаю за что... – Фира развела руками. – А може, их тебе какой уголовный король прислал? А чи не Мишка Япончик?

Таня только вздохнула. Об ее отношениях с королем Одессы Японцем знало только несколько людей, и то, что она прекрасно ладит с Японцем и без цветов, Таня не собиралась ничего объяснять.

В любом случае, цветы напугали ее настолько, что она не взяла их, оставив в театре. Прошло уже достаточно времени, а цветы все еще стояли в общей комнате для всех статисток. И вот теперь последовал третий букет.

К счастью, остальные девушки устали после долгой репетиции и спешили разлететься по своим кабаре, а потому не

обратили на Танины цветы никакого внимания. Загораживая спиной от любопытных букет, она внимательно рассматривала черные розы.

— Цветы как на похоронах, — нахмурилась Таня. — Теперь мне все это не нравится еще больше. Черные розы... какой неприятный цвет.

— Та брось ты! — Фира махнула рукой. — А може, у твоего поклонника изысканный вкус? Може, он не такой, как все.

— Вот в этом я ни секунды не сомневаюсь, — усмехнулась Таня. — Тот еще псих.

И вдруг стала очень серьезной. Но Фира тут же поняла ее.

— Синие орхидеи? — спросила она. — Ты подумала за Карину?

— Именно... — выдохнула Таня. — Такие цветы... Они выглядят по-новому... Особенно сейчас.

Обе они, и Таня, и Фира, а также еще несколько девушек-статисток из Оперного театра, были вчера на кинофабрике, где участвовали в съемках фильма. Это был не первый раз, когда Таня попадала в кино, съемки почему-то манили ее со страшной силой, и она делала все для того, чтобы попасть на кинофабрику.

И ей это удалось. Если голоса у нее не было, то в кино и не требовался голос. Таня была красивой, грациозной, в ее движениях были изящество и пластика, и поэтому ее почти сразу отобрали для участия в съемках. С тех пор Таня снималась достаточно часто. Но, к сожалению, ей так и не уда-

лось пробиться на главную роль. В кино она была такой же статисткой, как и в Оперном театре.

– Так ведь Карину любовник убил, – Фира посмотрела на Таню с тревогой. – Ну, так все говорят. Задушил ревнивый любовник. Она какому-то бандиту хвост накрутила, вот он ее и придушил.

– И труп усыпал цветами? – невесело усмехнулась Таня.

– А то! Може, убийство из-за любви? А шо? И не такие страсти за любовь происходят... – Фира мечтательно вздохнула. Она была буквально помешана на любви и на мужчинах. Но, видимо, именно поэтому каждый ее роман заканчивался неудачно.

– Но ведь любовника не поймали, – сказала Таня. – Сегодня все только и говорили об этом.

– Так еще найдут, – вздохнула Фира, – ох, эта ж любовь...

– Глупости это! И любовь, и... псих, – Таня вдруг вздрогнула. – Если это действительно псих, то зачем он посылает цветы мне?

– Та шо ты меня пугаешь?.. – побледнела Фира.

– Я сама напугана до полусмерти, – призналась Таня. – Говорю тебе: эти цветы не к добру.

Внезапно, подчиняясь какому-то странному, непонятному импульсу, она отшвырнула от себя букет. Он ударился об стену. У одной из роз отломилась головка, черные лепестки рассыпались. Таня вдруг почувствовала, что у нее мучительно сжалось сердце. Но отчего – она не могла объяснить.

– Вы за Карину? А я слышала! – Рядом с ними вдруг возникла одна из девиц. До нее, очевидно, донеслась фраза о Карине. – Я слышала, шо Карину задушили грабители драгоценностей! Ну, те, шо стащили знаменитые алмазы!

– Что за чушь! – пожала плечами Таня.

– Та ладно! – Девушка говорила с интересом, горячо, было видно, что она недавно услышала новость и спешит поделиться ею со всем светом. – Карина шоркалась возле кабинета Харитонов, думала, шо подкараулит его там, ну и случайно увидела, как воруют алмазы. Забоялась, бросилась в комнату с декорациями и заперлась там. А среди грабителей была девушка – говорят, одна из самых известных в Одессе воровок драгоценностей, промышляет в банде Мишки Япончика. Так вот: эта девушка увидела, как бежала Карина, и догадалась, шо та видела кражу. От она прокралась в павильон, отперла закрытую дверь отмычкой, зашла, сняла свой чулок, ну и задушила Карину. А цветы там и раньше были. Их для съемок используют. Она только разбросала их по кровати, ну чтобы сделать вид, шо Карину любовник из ревности убил. А на самом деле ее убили из-за кражи драгоценностей!

– А ты откуда знаешь за это? – Фира вскинула на нее удивленные глаза.

– Так у меня дружок есть, он в полиции работает, – с гордостью произнесла девушка. – От они сейчас рассматривают только эту версию. По всему городу ищут воровку драгоценностей. Как найдут ее – так найдут убийцу.

Гордо подняв голову, девица удалилась по коридору. Бледная как мел Таня вдруг выронила сумку из рук. Та с грохотом упала и раскрылась, наружу вывалилось все содержимое. Чертыхаясь про себя, Таня начала собирать мелкие монеты, пудреницу, салфетки, словом, все то, что большинство женщин носит в сумке с собой. Но все у нее выскальзывало из рук.

– Что с тобой? – Фира смотрела на Таню с удивлением. – У тебя ж руки дрожат!

– Да это все из-за цветов и из-за рассказа этой дуры! – зло отрезала Таня. – Много они там понимают, в этой новой полиции. Идиоты! Не было там цветов, в комнате! Никогда не использовали для съемок синие орхидеи! Их и не видел никто! Кроме...

– Ну да. Страшно получается, – вздохнула Фира.

– Да, я боюсь, – честно призналась Таня. – Боюсь потому что какой-то псих прислал мне синие орхидеи. А потом убили Карину, и труп ее обложили такими цветами.

– Синие орхидеи продаются в городе, – задумчиво сказала Фира. – Их может купить кто угодно. Это ж совпадение.

– Наверное, совпадение, – нехотя согласилась Таня. – Идем.

Было уже достаточно темно, когда они вышли из Оперного театра, только горели яркие фонари. И тут к служебному входу подъехал автомобиль. Двух мужчин, которые вышли из него, девушки узнали сразу. Первым был Дмитрий Хари-

тонов, вторым – директор Оперного театра. Тихо переговариваясь о чем-то, мужчины вошли внутрь. Таня быстро пошла к выходу из переуллка. Руки ее дрожали.

Таня недолго работала в Оперном театре, но за это время уже успело произойти множество событий, которые серьезно повлияли на жизнь в городе. Одесса стала другой. Японец оказался прав: жизнь будоражила, как глоток шампанского. В городе изменились главные действующие лица, и богатая публика как никогда потянулась в театр.

Заключение Брестского мира со стороны УНР привело к оккупации весной 1918 года всей Украины и Крыма Германией и Австро-Венгрией. В 1918 году, еще до того, как центральные державы потерпели окончательное поражение в Первой мировой войне, Великобритания и Франция приняли решение в рамках продолжения военных действий против них начать наступление из Румынии на Украину. Премьер-министр Франции Клемансо отдал соответствующее распоряжение главнокомандующему союзных армий на Ближнем Востоке генералу Франше д'Эспере.

Однако после происшедшей вскоре капитуляции Австро-Венгрии и германской армии цели планируемой интервенции поменялись: территориями было решено овладеть, чтобы не допустить большевистской власти и установления советов в регионе.

В действиях Франции очень важное место занимали экономические мотивы. Геополитически Франция конкуриро-

вала с Великобританией за влияние в Восточной Европе. А экономическим мотивом явился тот факт, что советское правительство отказалось отвечать по долговым обязательствам предыдущего, царского правительства России. Российская же империя была крупнейшим иностранным должником Франции, а Франция всегда была очень важным кредитором.

У Франции в России было множество инвестиций. Особенно крупными были в горную и металлургическую промышленность Донбасса. Желание вернуть крупные капиталы, инвестированные в российскую промышленность, толкнуло Францию на достаточно непродуманные действия.

После капитуляции Османской империи и открытия черноморских проливов у союзников появилась возможность ввести на Черное море свой флот. В Одессу морем и сухопутным путем из Румынии прибыли первые воинские подразделения Антанты и ее союзников.

Они вводили войска в регион, не принимая во внимание местные политические особенности, а также не имея четкого плана военной кампании. Одновременно с этим правительства Великобритании и Франции столкнулись с резкой критикой со стороны других стран за вооруженное вмешательство в «русские дела». Так президент США Вудро Вильсон в категорической форме высказался против вооруженной интервенции.

Клемансо писал генералу Жанену: «План союзников не

носит наступательного характера. Он лишь предусматривает возможность не дать большевикам доступ к Украине, Кавказу и Сибири, где организовываются российские силы, выступающие за прежний порядок. Таким образом, главная цель – установить и поддержать оборонительный фронт перед этими регионами. Наступательные действия против большевиков будут произведены впоследствии силами самих русских».

Одесса в то время была городом, в котором власть менялась с лихорадочной скоростью, горожане просто не успевали за этим следить. Германцы, большевики, снова германцы, гетмановцы, петлюровские войска, белые и, в конце концов – через время, – французские интервенты...

И вся эта политическая катавасия происходила на фоне безудержных спекуляций, грандиозных афер, разнообразного подполья и власти бандитов во главе с настоящим королем Одессы – Мишкой Япончиком.

В город потянулись аферисты самых различных политических взглядов, и очень скоро Одесса стала настоящей шпионской столицей.

Старожилы шутили, что разведчики всех видов и мастей сами терялись, кто есть кто. Так в течение одного обеденного времени в одном из кафе Одессы (к примеру, в кафе «Фанкони») могли одновременно находиться шпионы большевиков, Петлюры, деникинской контрразведки, английские шпионы, шпионы французов и прочие мутные сливки шпи-

онского мира, нередкой была еще и имперская практика, когда один агент мог работать на несколько разведок сразу...

И на фоне всего этого лихорадочного противостояния всевозможных разведок, сил подполья и властей город продолжал жить своей собственной жизнью. В нем снималось кино, ставились театральные премьеры, даже строились дома. Сюда потянулись жители Санкт-Петербурга и Москвы. По сравнению с тем, что происходило у них, Одесса казалась им сравнительно мирным городом.

Все хотели покоя. Никто не думал о наступающем хаосе, а потому большинство одесситов старались особо не вникать в политические и шпионские страсти, которые могли нарушить мирный ход жизни. И даже слухи о том, что очень скоро союзники, иностранные армии снова займут город, не могли потревожить знаменитого одесского духа.

Глава 3

Прима-балерина Ксения Беликова. В кабаре «Ко всем чертям!» Тайна нового владельца. Красавец-актер Петр Инсаров. Отвратительное предложение

Ксения Беликова, прима-балерина Одесского оперного театра, нервно расхаживала по своей гримуборной, картинно заламывая руки. За ее действиями с легкой усмешкой наблюдал директор кинофабрики Дмитрий Харитонов. На весь театр прима Ксения Беликова давно была известна своим эгоистичным, вздорным характером. И директор Оперного давно под шумок смылся, предоставив Харитонova его соб-

ственной судьбе.

Но Дмитрий был стреляным воробьем и совсем не таким человеком, которого можно было с легкостью сбить с толку. И для того, чтобы выбить его из колеи, потребовалось бы нечто большее, чем истерика капризной балерины.

– Я не знаю... Нет, я знаю, но не могу сказать... я не знаю... знаю, но не скажу... – Ксения Беликова заламывала руки и, изображая приближающуюся истерику, внимательно следила за каждым своим жестом, насколько красивым он выходил, – в самом деле... это настолько неожиданно... Как снег на голову... я не знаю... нет, я знаю... или я не знаю, что вам сказать...

Харитонов молча внимательно наблюдал за грациозными жестами балерины, пряча во взгляде усмешку.

– Третьего дня в театре был германский генерал... генерал Кош... Ах, он так восхищался мной, так восхищался! – Беликова картинно закатила глаза. – Ах, он подарил мне браслет с бирюзой! А его адъютант привез в примерку для меня ящик шампанского. Зачем мне уходить из театра? Здесь мною восхищаются! Я – королева сцены, здесь мне сопутствует успех! Зачем уходить королеве?

– Я не предлагаю вам никуда уходить, – терпеливо произнес Харитонов. – Вы как и прежде будете служить в театре. Будете репетировать и выступать на сцене. Все, что от вас потребуется – это несколько часов по утрам, чтобы заменить главную героиню и закончить съемки финальных сцен филь-

ма. Это не большой труд. А вот успех будет большой!

– Ах, что же вам сказать... Это так неожиданно... Я боюсь, право, – вздыхала Беликова.

– Вам нечего бояться. Фильм практически завершен. Осталось доснять несколько финальных сцен. Вы идеально подходите.

– Но мое имя будет в титрах? – даже изображая нервную дамочку, Беликова не теряла крепкой деловой хватки. – И я буду звездой фильма? Единственной звездой? А на гонорар не повлияет то, что я снимусь только в последних сценах?

– Ни в коем случае! Вы получите всю оговоренную сумму гонорара, – Харитонов начал с последнего вопроса, – и ваше имя будет в титрах. Вы будете единственной звездой фильма. Вы также станете представлять фильм сотрудникам прессы. Все это очень выгодно отразится на вашей карьере.

– Но в фильме уже снималась другая актриса... – Беликова насупилась, – эта Карина...

– В памяти зрителей останутся только последние сцены фильма, – попытался успокоить ее Харитонов, – вы идеально похожи на нее.

Это было правдой. Именно поэтому Харитонов и остановил свой выбор на Ксении Беликовой, чтобы завершить фильм. К тому же у Беликовой было то, чего не было у Карины: будучи талантливой балериной, она умела двигаться грациозно и очень красиво. Ее пластика была как настоящая картина. И Харитонову пришло в голову, что с экрана гра-

циозные, точеные, пластические движения Беликовой будут смотреться как застывшая музыка.

Ксения Беликова была брюнеткой среднего роста, с очень красивой, изящной фигурой и лицом, в котором было что-то скульптурное, в частности, очень ровный нос. Она была более худая, чем Карина, и гораздо красивее. Но стоило надеть ей тот же самый парик, в котором снималась Карина, восточный костюм и наложить грим – и никто не отличил бы этих актрис одну от другой.

К тому же Ксения Беликова была гораздо более опытной актрисой, чем Карина. И Харитонов очень надеялся, что она не растеряется перед камерой, а наоборот, сумеет собраться.

Решение пригласить другую актрису далось Харитонову нелегко. Такой случай не был распространенной практикой. Он экспериментировал. Любой другой хозяин кинофабрики попросту закрыл бы эту картину, списал ее в убытки. Но Харитонов часто шел на сознательный риск и, как правило, выигрывал. Именно поэтому он принял решение снять в конце фильма другую актрису.

Харитонов просмотрел достаточно много претенденток, но балерина Беликова оказалась лучше всех. Она была женщиной точно такого же внешнего типа, как и Карина – южная красавица, знойная брюнетка, экзотика и огонь в одном лице, одесский темперамент – яркий цветок смешения множества кровей – и глаза, поражающие насмерть. Минусом был только характер Беликовой и ее эгоцентризм избалован-

ной примы, привыкшей к поклонению и успеху. Хотя, правду сказать, особого таланта у нее не было.

Поэтому Харитонов едва удержался от того, чтобы сказать о том, что браслет, подаренный германским генералом, был подделкой и дешевкой, ведь этот самый браслет красовался на руке Беликовой, и Харитонов вполне мог его разглядеть. Но он сдержался, не желая портить отношения с будущим всего фильма, даже если это будущее представало в виде самовлюбленной и вздорной женщины.

– Заменить Карину!.. – фыркнула Беликова. – Я знала ее... Карина совсем не умела играть! Странно, что вы вообще пригласили ее в фильм! Этакую корову!

– Вот и покажите, насколько вы лучше ее, – Харитонов был опытным стратегом, – улучшите и завершите ее работу.

Но даже он не мог просчитать все до конца, потому что Беликова вдруг выдала такое, на что у Харитонova вообще не оказалось слов.

– А что, если меня убьют, как вашу Карину? Говорят, у вас на студии завелся убийца!

– Это был несчастный случай, – запнувшись, ответил он. – Дело уже раскрыто, и приняты все меры безопасности. Вам нечего беспокоиться.

– Раскрыто, как же! – фыркнула Беликова. – По городу ходят страшные слухи. Говорят, что кто-то убивает актрис... И делает это специально.

– Пока убили только одну актрису, – парировал Харито-

нов, — да и то — по чистой случайности, потому что она стала свидетельницей кражи. Так убить могли кого угодно. Не только Карину, но и сторожа, и извозчика.

— Ну, не знаю, не знаю, — Беликова задумалась. — В принципе, отказаться от такого предложения сложно. Я не знаю... Нет, я знаю... Нет, я не знаю, что вам сказать... вы совсем заморочили мне голову... Ах, я подумаю!

— Сожалею, но я должен получить от вас ответ сейчас, — Харитонов был тверд. — У меня денежные расчеты. Завтра утром я должен приступить к съемкам. Это все очень важные дела.

— Ах, меня не интересуют ваши расчеты! — Беликова всплеснула руками. — Неужели вы не понимаете: я актриса! Я творческая личность! Я могу обдумать, потом передумать, потом снова решить...

— Нет, — голос директора дрогнул, и это был единственный раз, когда у него сдали нервы. — Я должен получить ответ сейчас. Если вы отказываетесь, я до утра найду другую актрису!

— Но я не отказываюсь! Просто я должна все обдумать.

— Думайте сейчас. Времени больше нет.

— Ну хорошо... Вы меня вынуждаете, — Беликова заметно кокетничала. — Так надавили на бедную женщину... Хорошо, я согласна.

— Тогда едем! — Харитонов с плохо скрываемым удовольствием вскочил с места.

– Куда? – перепугалась Беликова. – Уже ночь!

– На студию, конечно. Костюмеры ждут. Вы примерите костюм, они подгонят его по вашей фигуре. Мы также подберем грим, наладим свет... С тем, чтобы завтра, с самого утра, приступить к съемкам. Не хочу терять ни минуты времени.

– Нет, я так не могу... И потом, я назначила сейчас встречу... Ко мне придут.

– Это недолго. Я привезу вас обратно к театру.

– Ах, ладно. В театр не надо, лучше сразу домой. Встречу можно и перенести, – она картинно закуталась в цветную шелковую шаль. – Мне так любопытно взглянуть на павильон, где происходят съемки. Я никогда не была на кинофабрике.

– Вы еще привыкнете к этому зрелищу.

Харитонов и Ксения Беликова вышли из опустевшего театра, в котором уже тушили огни.

Лампы вспыхнули под бурные аплодисменты в конце номера, и Таня в сопровождении двух девушек из хора спустилась со сцены. Возле лестницы тут же возникли два дежурных ловеласа из тех гуляк, что проматывали по многочисленным ночным клубам города состояние, нажитое папашами на спекуляциях, и протянули руки Тане. Но она сделала вид, что не видит их, Таня терпеть не могла подобную публику.

В этот вечер в кабаре под броским названием «Ко всем чертям!» народу было немного, и в глаза все время бросались пустые столики. Роль сыграло то, что была середина недели. К выходным кабаре всегда заполнялось на все сто. И программа до выходных была попроще – цыганский хор, кордебалет, пантомима да дешевый фокусник, выпускающий из цилиндра голубей. В выходные же она состояла из гораздо большего количества номеров, и в концерте участвовало множество девушек-статисток из Оперного театра.

Как уже упоминалось, несмотря на политическую нестабильность и хаос сменяющихся властей, Одесса была столицей кабаре, кафе-шантанов и многочисленных ночных клубов, открывающихся на каждом углу. Люди желали веселиться изо всех сил, словно стремясь отодвинуть от себя нависающую тень черной беды, будто волшебный эликсир, заливая в себя немислимое количество бокалов с шампанским, как будто шампанское в кабаре было святой водой, способной защитить от разорения, беды и смерти.

Кабаре «Ко всем чертям!» было создано в самом модном стиле. Открыл его заезжий предприниматель из Баку по имени Тофик, с трудом, сквозь все фронты, добравшийся до Одессы. Но поскольку в городе существовало негласное, но твердое правило, что все развлекательные заведения открывались под присмотром Японца, то во всех них всегда существовал второй, тайный компаньон из криминального мира, контролирующий всю работу и получающий свои проценты.

Компаньоном Тофика стал Туча, именно он негласно управлял кабаре. И так как Туча отлично умел держать язык за зубами, никто в кабаре не знал о том, кто такая Таня и кто именно скрывается под маской скромной артистки из цыганского хора.

Люди Тани почти постоянно находились в зале. А если в кабаре и случались досадные недоразумения, например, дамы «теряли» в дамской комнате дорогостоящие драгоценности или подгулявший купец «случайно» расставался с крупной суммой денег, бумажником, набитым деньгами, Тофик очень убедительно умел объяснить, что все это веяние времени, что грабежи и неприятности сейчас происходят на каждом шагу, и что у них дела еще обстоят лучше, чем у других.

В цыганском костюме Таня смотрелась очень эффектно. Ей нравилось выступать. Она даже с удовольствием плясала цыганские танцы, которым ее научили так же, как и остальных девушек, и часто в мечтах представляла себя настоящей артисткой. И даже звездой, за которой бегают толпы поклонников по всему городу, а афиши с ее портретом расклеены на каждом шагу.

Но у Тани совсем не было ни времени, ни возможности серьезно и упорно заниматься артистической карьерой. В кабаре постоянно были дела. То на огонек забредет сиятельная графиня из Санкт-Петербурга с фамильными изумрудами. То крупный биржевой аферист придет отмечать милли-

онную аферу с бумажником, где находится этот самый миллион. То бывшая горничная, а теперь открытая содержанка крупного банкира явится в кабаре похвастаться своими новенькими бриллиантами... Словом, дел у Тани и у ее людей было неуворот.

Тофик догадывался, что с Таней все обстоит не так просто, как выглядит на первый взгляд. Особенно когда видел, как следом за ней ходят несколько бандитов с наганами, оттопыривающими кожаные куртки. Но он был слишком умен, чтобы задавать вопросы, тем более человеку Японца Туче. А потому молчал, стараясь держаться от Тани подальше.

Таня спустилась со сцены, но не пошла в примерную, а села за столик к Туче, который был занят подсчетом колонок цифр. Тот любезно подвинул ей стул и налил бокал шампанского. Таня стала оглядывать полупустой зал.

Внезапно ее внимание привлекла компания, сидящая за одним из столиков возле сцены. Трое серьезных мужчин. Одеты дорого, представительно. На столике нет спиртного, только тарелки с едой и чашки с кофе. В одном из них Таня узнала крупнейшего биржевого спекулянта, промышлявшего ворованными медикаментами. Он был постоянным посетителем кабаре, но, как правило, приходил с различными девицами. Второй был незнаком, но, судя по выражению его лица, личностью был совершенно не примечательной. А вот третий...

Никогда в своей жизни Таня не видела мужчины краси-

вее! Изящный брюнет с точеными чертами лица, бархатные глаза, чувственные губы... Такие лица навсегда врезаются в память, особенно женщинам. Они с ума сходят от подобных Аполлонов, в которых нет ни одного внешнего изъяна. Но Таня вдруг подумала, что для мужчины есть что-то неприличное в том, чтобы быть настолько красивым. Кроме того, во внешности его было что-то утонченное, что говорило о художественной натуре. Таня не ошибалась, потому что уже достаточно успела насмотреться на людей искусства.

Тофик шел в ногу со временем, и в кабаре постоянно проводились литературные вечера, на которых выступали модные писатели и поэты, публика на них валила валом.

Но Тане не нравились модные поэты. Они были неряшливо одеты, от них дурно пахло, вместо шампанского они пили дешевое вино и постоянно читали со сцены какую-то чушь громкими, визгливыми голосами. В этой чуши, с точки зрения Тани, не было ни рифмы, ни смысла, и ей было совершенно непонятно, зачем другие люди приходят на них посмотреть.

На таких литературных вечерах бывали также и актеры, и художники. Художники все без исключения были очень злы. Они откровенно завидовали друг другу и страшно ненавидели тех, кому удавалось продать что-нибудь из картин. По внешности они делились на две категории: первые были еще более оборванные и вонючие, чем поэты, а вторые одевались с истинно буржуазным шиком, стараясь перещеголять заез-

жих купцов. Только, в отличие от купцов, бриллианты в их массивных кольцах были фальшивыми.

Актеры, опять-таки все без исключения, были нарциссы и эгоисты. В отличие от остальных мужчин, они были единственными, кто время от времени смотрелся в карманное зеркальце и страшно переживал, как выглядит их прическа.

Как и художники, актеры были ревнивы к славе, но не были так злы. Они были немного хитрей, старались сохранять друг с другом видимость хороших отношений. Но исключительно для того, чтобы тут же полить мнимого соперника за спиной потоками злословия и грязных сплетен. В отличие от поэтов, актеры всегда выглядели элегантно и очень красиво. Пахло от них дорогими парфюмами, и они никогда не появлялись на публике в несвежей сорочке.

Всего этого Таня насмотрелась за время, проведенное в кабаре. Лично для нее литературные и прочие вечера искусств были гиблым делом – потому что, несмотря на количество людей, публика вся была бедная. У самих же выступающих на всех вместе не нашлось бы и одной золотой запонки. А если и были какие-то камешки, то стекляшки, фальшивки.

Вначале Таня приходила на такие вечера ради развлечения. А затем просто перестала приходить.

И вот теперь в мужчине за столиком Таня безошибочно угадала человека, имеющего какое-то отношение к искусству. И, судя по богатству и элегантности его костюма, это

был или преуспевающий художник, или актер.

Внезапно мужчина обернулся, возможно, почувствовав ее пристальный взгляд, и почти в упор уставился на Таню. От выражения его глаз она вздрогнула. И все очарование сняло как рукой.

У него были ледяные глаза. Невероятно холодные, расчетливые глаза, которые вполне могли бы принадлежать какой-то бездушной машине, а не живому человеку. Вообще во всей его внешности, в манерах было что-то очень натянутое и холодное. Казалось, он тщательно играл какую-то особую роль. Но что это за роль, никому не дано было понять.

– Кто это такой? – Таня тронула за плечи погруженного в колонки цифр Тучу. – Ты видел его раньше?

– Этот? Да, знаю. Это Петр Инсаров, актер. Он только три дня назад добрался к нам из Москвы. Разве ты его не узнала?

Ну конечно же! Недаром Таня обратила внимание на его лицо! На самом деле он просто показался ей знакомым. Известный киноактер, не раз смотревший на нее с экрана.

Как и все девушки, Таня обожала кино и старалась не пропустить ни одного нового фильма. Особенно волновали ее красивые романтические истории с трагическим концом. И имя этого знаменитого актера Таня слышала не раз. Странно было видеть его вот так близко, прямо рядом с собой. Но если на экране он казался волнующим мужественным героем, то в жизни выглядел совершенно иначе – по крайней мере, на экране у него не было таких ледяных глаз, которых нельзя

представить у живого человека.

– Интересно, что он делает здесь? – задумчиво протянула Таня.

– Сниматься приехал на кинофабрику, что же еще? – Туча пренебрежительно передернул плечами, мол, видали мы таких, и Тане подумалось, как, должно быть, неприятно чувствует себя толстенький коротышка Туча на фоне такого картинного красавца.

– А если в кино сниматься, зачем с этим аферистом сидит? – удивилась она.

– Вот ты у него и спроси! – фыркнул Туча. – Нянька я им всем, что ли?

Таня вдруг страшно заинтересовалась, кто же третий, но, вспомнив, как фыркнул Туча, постеснялась об этом спросить.

– Ты новость слышала? – Туча оторвался от своих бумаг. – Тофик продает заведение.

– Да ты что? – Эта новость была такой, что Таня сразу же забыла о красавце-актере. – А кому? И что теперь будет – все закроют?

– Нет, не закроют, все останется без изменений, – почему-то зло сказал Туча. – Разве что будет больше литературных вечеров. Писателю он какому-то продает, заезжему. Потому все теперь в литературе, а не в деньгах здесь будет. Гембель на голову.

– Разве писатели так хорошо зарабатывают, что могут ку-

пить кабаре? – удивилась Таня. Все это казалось ей странным.

– Нет. Это какой-то из бывших. Вроде как получил крупное наследство. Приехал из Санкт-Петербурга.

– А что он написал? И как его зовут? – продолжала любопытствовать Таня.

– А хрен его знает, что написал и как зовут! – выразительно произнес Туча. – Они сейчас все грамотные, что-то пишут! Это вон Тофик знает, он с ним договаривался.

– А что случилось с Тофиком, чего вдруг он решил продать такое прибыльное кабаре? – Таня действительно не понимала этого.

– В Киев решил перебраться. Он, видите ли, женится. На местной барышне. А насчет Одессы она ни в какую. Вот Тофик и переезжает в Киев и продает кабаре. Картина маслом, ни охнуть, ни сдохнуть! – Туча поднял глаза вверх.

– Глупый Тофик, – пожала плечами Таня, но в глубине души не могла не уважать такое решение, принятое из-за любви. Оно было и прекрасным, и вызывало у Тани зависть. Думая о неизвестной девушке, ради которой шли на такие жертвы, она поневоле испытывала тоску и зависть.

Увлечшись разговором с Тучей, Таня не заметила, как красавец-актер поднялся со своего места и оказался рядом с их столиком.

– Мадемуазель, вы позволите угостить вас шампанским? – спросил он.

Увидев актера рядом, Таня вдруг растерялась. А Туча сорвался с места, подобрал свои бумажки и, буркнув, что ему пора, быстро оставил их одних.

– Прошу садиться, – лишь смогла выдавить из себя она. Актер сел, словно только и ждал этого приглашения. На нее тут же пахнуло изысканным ароматом дорогого парфюма.

– Вы просто очаровательны в этом цыганском костюме! – Он вдруг картинно поцеловал ей руку, но от этого поцелуя по спине Тани вдруг прошла какая-то леденящая дрожь. – Вы, конечно, не цыганка?

– Конечно, нет. – Ей вдруг показалось, что он смотрит на нее как-то испытующе, словно изучает ее, но это изучение было совсем недоброжелательным.

– Позвольте представиться: Петр Инсаров, актер.

– Я знаю, кто вы. Меня зовут Татьяна Алмазова.

Возле столика вырос официант.

– Позвольте предложить вам бокал шампанского?

– Спасибо, я не хочу, – Таня вдруг нахмурилась. Что-то в этом человеке отталкивало ее, но что именно, она не могла объяснить. Это было странно, ведь красавец-мужчина – известный актер. Но Таня почему-то чувствовала себя не в своей тарелке. И от этого человека ей было не по себе.

– Тогда, может, кофе, мороженое?

– Спасибо, нет.

– Мы позовем вас позже, – обратился он к официанту, и тот исчез, а Инсаров вдруг как-то неприязненно улыбнулся

краешком губ. – Признаться честно, я был удивлен, увидев девушку с вашими внешними данными в массовке цыганского хора. Мне кажется, вы достойны большего. Вы никогда не мечтали сниматься в кино или проявить себя как-то иначе? Бросить вызов обществу?

– Нет. – Странные слова актера заставили Таню замереть, словно она почувствовала в них какой-то подвох. – Нет, я довольна своей службой.

– Вы потрясающая девушка! Но я мог бы придумать для вас что-нибудь получше. Мы могли бы поговорить о вашем будущем... – Актер испытующе смотрел на нее. Внешне это должно было напоминать обычный флирт, но Таня вдруг почувствовала, что все это не имеет ничего общего с флиртом. В ее душе загорелся красный огонек тревоги.

– Сейчас такое время, что девушка с вашими внешними данными может проявить себя во многих областях.

– Что вы имеете в виду? – нахмурилась Таня.

– Например, мы с вами могли бы познакомиться поближе... И я придумал бы что-нибудь для вашего будущего.

– Насколько ближе?

– Очень близко. Насколько это возможно.

– Знаете, а ведь вы со мной не флиртуете, – вдруг выпалила Таня, – и у вас ко мне явно не любовный интерес.

– Вы ошибаетесь, – глаза актера стали такими ледяными, что Тане вдруг показалось, будто они действительно могут обжечь льдом ее кожу.

– Нет, я не ошибаюсь, – она покачала головой.

– Может, и так. А если бы я предложил вам работу, очень высокооплачиваемую работу, вы бы согласились?

– Работу какого рода? – Происходящее не нравилось Тане все больше и больше.

– К примеру, скрасить досуг одного интересного, состоятельного человека, который вскоре прибудет в Одессу. Ему очень нравятся девушки такого типа, как вы.

– Да за кого вы меня принимаете?! – Таня задрожала от злости.

– Подумайте! Это очень богатый человек. Он одарит вас ценными подарками. Станет засыпать цветами. Редкими цветами. Например, вам нравятся синие орхидеи?

Упоминание о синих орхидеях вдруг выбило Таню из колеи. Да так сильно, что она испугалась. Теперь было понятно, почему этот человек с первого взгляда вызвал у нее такое отвращение. Но его гнусное предложение для танцовщиц кабаре было самым обычным делом.

Очевидно, он принял ее за обыкновенную девушку-статистку. И Таня решила его не разочаровывать. Резко вскочив с места, она процедила сквозь зубы грязное ругательство из репертуара Молдаванки и быстро ушла прочь. Она не видела, что Инсаров продолжал сидеть на месте. Нахмурившись, он пристально смотрел ей вслед.

Глава 4

Провал на съемочной площадке. Женская ссора. Куда делись алмазы Эльзаканиди? Подслушанный разговор и уничтожение букета

– Мотор! Начали! – На площадке все замерли. Моментально прекратилось оживление, царящее в павильоне еще несколько минут назад. Все были сосредоточены и серьезны. Оператор крутил ручку камеры.

Ксения Беликова, облаченная в восточный костюм, изображала страдания отвергнутой любовницы. Превращение происходило на глазах. Грაციозные движения балерины ста-

новились неуклюжими, движения – манерными, повороты – неестественными.

Вместо выразительного взгляда лицо изображало несусветную гримасу, при виде которой кто-то даже хихикнул.

Камера творила чудеса. Яркая красавица Беликова вдруг перестала быть красивой. От утонченности и элегантности не осталось и следа. Вместо грациозной наложницы восточного гарема по съемочной площадке бегала взъерошенная истеричная баба, нелепая и неуклюжая, как слон в посудной лавке. А жесты и движения ее, те самые, о которых Харитонов думал, что с экрана они будут смотреться как застывшая музыка, больше подходили торговке с Привоза, и были бы уместны в рыбном ряду, а не в гареме шаха.

Всем наблюдавшим за этой невероятной метаморфозой стало понятно: киноактрисы из Ксении Беликовой не вышло. Последнее движение ее было настолько нелепым, что сзади, среди толпившихся в конце павильона, раздался громкий смех. Словно по мановению волшебной палочки перед включенной камерой прекрасная принцесса превращалась в безобразную лягушку, растеряв все невероятное очарование своей красоты. В камере была магия, и она умела превращать одно в другое, в самое неожиданное. Превращение балерины Беликовой было именно таким.

За всем этим молча наблюдал Дмитрий Харитонов. Ничего не оставалось, кроме как признать: план провалился, и из балерины Беликовой не получилось кинозвезды.

Наконец он решительно выступил вперед и скомандовал:
– Остановить съемку!

Это был первый случай на съемочной площадке, когда съемки прерывались так внезапно. Беликова разнервничалась.

– Ну как... Но почему... Я только... Ах, я только вошла во вкус...

– Все, спасибо. Я вынужден объявить перерыв на съемках по техническим, не зависящим от нас причинам. Съемки откладываются на неделю. Я уезжаю этим вечером в Москву. Продолжите вы через неделю без меня. Мы закончим фильм после перерыва. Всем спасибо. Все свободны.

Все принялись бурно обсуждать событие. Харитонов отвел режиссера в сторону.

– Ровно через неделю сделаешь вид, что доснимаешь последнюю сцену, и всех распустишь. Беликова исчезнет, когда получит свой гонорар.

– Но фильм... – растерялся режиссер.

– Доснимать его мы не будем. Фильм спишем. Я больше не хочу никого пробовать. Черт с ним! Бывают такие технические проколы на студии. У меня есть идея получше.

– Вы приняли правильное решение! – с облегчением выдохнул режиссер. – У меня здоровья не хватит и дальше ее снимать!

– Нет, с Беликовой покончено. Но сделаем это красиво. Через неделю последняя сцена – и все.

Харитонов быстро покинул съемочный павильон, где возле закатывающей глаза Беликовой толпились статистики, составлявшие подобие ее свиты. Беликова вела себя вызывающе, потому что была твердо уверена в том, что Харитонов сделает из нее кинозвезду.

– Как я играла! Ах, как я играла! – закатывала она глаза. – Это была моя лучшая сцена! Я вложила в эти жесты всю свою пластику! Никогда не думала, что я буду такой блестящей киноактрисой!

И публика вокруг разражалась дежурными вздохами:

– Великолепно! Потрясающе! Ах! Ох!

Никто не заметил, как оператор, подчиняясь приказу режиссера, вытащил из камеры пленку и, разорвав драгоценный моток, с презрением выбросил в мусорную корзину.

Беликова не спешила уходить со съемочной площадки, продолжая играть роль той королевы, которой она так и не стала на экране. Даже когда осветитель разом потушил все раскаленные лампы, она осталась. Для любой актрисы было бы болезненным ударом тот факт, что съемки с ее участием не являются первостепенным делом, что их вот так запросто можно отложить. Ну а для самолюбия такой эгоцентричной особы, как Ксения Беликова, это событие было подобно эффекту разорвавшейся бомбы. И она не собиралась спускать это так запросто, изо всех сил пытаясь найти способ обратить внимание на себя. И она нашла этот способ – в тот самый момент, когда через павильон студии, направляясь к

выходу, к раздевалке, шла Таня, одетая в съемочный костюм.

Она тоже присутствовала на площадке в тот самый момент, когда Харитонов объявил о прекращении съемок. Для нее это стало разочарованием, точно таким же, как назначение Ксении Беликовой на главную роль. Но Таня мастерски умела играть в жизни – намного лучше, чем любая актриса. А потому не показала виду, никак не давая понять, какие чувства вызывает у нее объявление Харитонова. Для этого были причины.

Дело в том, что Таню и Ксению Беликову связывала давняя вражда. Началась она в тот самый момент, когда Таня только появилась в Оперном театре.

Все началось с какого-то пустяка. Балерине показалось, что Таня толкнула ее, когда она спускалась со сцены, и специально испортила ее костюм. Впрочем, это не было страшно – всего-то оторвалась тоненькая полоска кружева, но Беликова устроила невероятный скандал.

Это был всего лишь второй выход Тани на сцену, и она боялась до полусмерти – намного больше, чем в первый раз. Первый спектакль прошел словно в каком-то сумбуре – ее выпустили в составе хора на сцену так быстро, что она не успела и испугаться. Но во второй раз Таня уже постаралась выучить партию, и стоять на сцене должна была не в огромном количестве массовки, а среди нескольких человек.

Шла «Женитьба Фигаро» Моцарта – великолепный спектакль, в котором музыкальные сцены чередовались с балет-

ными номерами. Таня изображала одну из многочисленных служанок графини и появлялась на сцене с главной служанкой и прочими слугами. Сольных партий у нее не было, и она только подпевала в хоре. Но именно это обстоятельство нагнало на нее такого страха, что она жутко дрожала весь спектакль. При этом Таня умудрилась подзабыть сюжет и стала плохо разбираться в действиях. А потому все время торчала за сценой, мешая другим артистам, и боялась уходить, чтобы не пропустить тот момент, когда ей скажут выйти на сцену.

Оказалось, что Таня страшно боится большой сцены и буквально цепенеет под множеством глаз, устремленных на нее. Сердце ее колотилось в таком бешеном ритме, что ей казалось – оно вот-вот просто взорвется в груди! Есть люди, которые совершенно не созданы для сцены, и вдруг выяснилось, что Таня была именно такой. И это стало для нее самой очень неприятным открытием.

Она чувствовала себя так, словно горит в лихорадке, а потому не понимала, как двигается, что делает. Именно в таком состоянии она налетела за кулисами на Беликову, когда та спускалась после балетного номера со сцены, и испортила ее пышный костюм.

Ксения находилась в отвратительном настроении, и те, кто работал в театре долго и знал нрав примы, держались от нее подальше. Она не любила «Женитьбу Фигаро». В этом спектакле у нее не было сольной партии, она выступала как бы в массовке. И, несмотря на то что режиссер старался

поставить балетную сцену так, чтобы Беликова солировала, все-таки она находилась на фоне других артистов.

Одного этого было достаточно, чтобы выбить приму Беликову из колеи. Плюс в тот вечер ее любовник не приехал в театр. Ксения подозревала, что нынешний предмет что-то крутит за ее спиной, и готова была порвать на куски весь свет. Но скандалить с режиссером было все-таки опасно. А потому она страшно обрадовалась неловкости Тани и устроила грандиозный скандал. Беликова вопила так, словно Таня специально набросилась на нее и изорвала весь ее костюм в клочья. Не привыкшая к нраву театральных прим, Таня была так перепугана, что в тот вечер чуть не сбежала из театра навсегда. Только вмешательство дирижера, взявшего Таню на работу в театр по личной рекомендации Японца, предотвратило скандал.

Кое-как он ее успокоил. А чтобы утихомирить Беликову, ей пообещали, что стоимость злополучной порванной ленты вычтут из зарплаты виноватой. Но та требовала, чтобы Таню выгнали из театра. Когда же дирижер объяснил Беликовой, что никто Таню не выгонит и вообще скандалить с ней нежелательно, вот тут-то как раз и разразился гром.

Дело в том, что нынешним любовником Беликовой был Гарик, личный адъютант и правая рука Японца. Именно он в тот вечер не приехал в театр. А услышав, что Таню взяли в театр по личной рекомендации Японца, Беликова вдруг решила, что именно с Таней и крутит Гарик и что Японец

устроил Таню ради него.

Конечно, тому не было никаких доказательств, но что может сравниться с фантазией ревливой женщины? Беликова возненавидела Таню и принялась жестоко изводить ее на-смешками и придирками, пытаясь выжить из театра.

Таня очень скоро узнала правду о причине ненависти к ней Беликовой – постарались доброжелатели, а узнав, посмеялась от души. У нее даже мелькнула мысль поговорить с Гариком, чтобы тот унял свою вздорную любовницу. Но, к счастью, она этого не сделала, вовремя сообразив, что будет только хуже.

И вот на фоне такой длительной и непрекращавшейся вражды Таня, под пристальным и злым взглядом Ксении, шла через павильон, и ее было отчетливо видно. До того момента Беликова как-то не разглядела, что Таня присутствует в массовке, иначе она бы устроила скандал еще раньше. Теперь же появление мнимой соперницы стало той последней искрой, что вспыхнула в тлеющем огне бешеных актерских страстей. Пламя запылало, и Беликова уже была неспособна себя контролировать. Вытянув вперед дрожащую руку, она завизжала на весь зал:

– Что это? Синий шелк? Почему эту тварь, эту продажную дешевку одевают в синий шелк, а меня обрядили в такое жуткое рваньё?

Напрасно окружающие пытались ее сдерживать. Беликова уже подскочила к Тане. Глаза ее сверкали яростью.

Тане следовало бы никак не реагировать на оскорбление, развернуться и попросту уйти. Так она и поступила бы в любой из других дней. Но сейчас у нее были личные неприятности, о которых Таня усиленно думала вот уже несколько дней, и хамская вспышка Беликовой попросту выбила ее из равновесия. Обернувшись, она громко и отчетливо произнесла:

– Сама ты продажная дешевка и тварь, – а дальше выплеснула на голову Беликовой весь лексикон Молдаванки.

Ксения завизжала и вцепилась Тане в волосы, однако та была сильней. Она вырвалась из рук Беликовой, ударила ее по лицу, затем, схватив за горло, прижала приму к стене. Сцепив руки на ее горле, Таня стукнула несколько раз Беликову о стенку головой и, не разжимая рук, веско произнесла:

– Если ты еще раз пристанешь ко мне, я тебя придушу, как паршивую квочку! Воткну в твою глотку твой мерзкий язык! Придушу, тварь! Ты меня хорошо поняла?

Беликова хрипела, пытаясь вырваться, к ним уже бежали люди. Таню схватили сразу со всех сторон, заставили разжать руки, и она, наконец, выпустила балерину. Та хрипела, задыхаясь, хваталась за горло. На шее у нее остались красные пятна.

Было видно, что она перепугана не на шутку. Но Таня уже устала сдерживаться, устала доказывать всем и лгать, что она приличная барышня из хорошего общества. К тому же нервы ее были воспалены, и она больше не могла с собой совладать.

Таню оттаскивали от Беликовой множество рук. Вокруг звучали громкие, возбужденные голоса, беспорядочно выкрикивающие какие-то фразы. Но Таня была так взбешена, что не слышала того, что происходит вокруг.

Вырвавшись, вся дрожа, Таня обернулась к Беликовой и еще раз повторила:

– Поняла? Только тронь меня, тварь! Придушу! Придушу своими руками!

Затем она резко развернулась и пошла прочь, к выходу, не слыша шума, который все больше нарастал за ее спиной.

Лампа горела вполнакала, свисая над столом, и от ее неяркого света пятно на зеленом сукне напоминало пролитое белое вино. Таня, Туча и Шмаровоз сидели за столом в кабачке на Садовой, обсуждая ситуацию, в которую попала Таня, ее личные неприятности.

А личными неприятностями, которые в данный момент времени занимали ее больше всего на свете, были алмазы Эльзаканиди, которые именно она украла из кабинета Харитонова на кинофабрике.

Украла их Таня в одиночку, подчиняясь случайному порыву, открыв дверь запертого кабинета и шкатулку на столе Харитонова заколкой для волос так, как учил ее Шмаровоз. А затем, спрятав алмазы в шелковый шарф от костюма и намотав его на тело, вынесла их в город, отнесла Японцу, чтобы тот оценил товар.

– Глупость какая-то! – Таня сердито передернула плечами. – Ну да, я действовала сама, просто получилось так. Но я же отнесла их ему! Сама отдала в руки! Нелепо думать, что я взяла их во второй раз!

– Японец, может, так и не думает, – мрачно произнес Туча, – но за тебя так думают другие. Хипиш за тебя слишком большой. Торчишь у многих, как кость во рте, за рот всем большие ноги делаешь. Да сколько швицеров задухались за эти алмазы, скворча за них помеж зубов, а ты шась – и здрасьте, пожалуйста, щас вам наше с кисточкой! Задрипанной бабской заколкой взяла! Как за здрасьте!

– Я что, виновата, что умнее всех этих швицеров? – хмуро произнесла Таня. – Откуда мне знать, кто хотел их взять?

– Котовский хотел. Японец за давно хотел. Да и весь остальной народ за то кумекал... – хмыкнул Шмаровоз, – а ты за больно шустрая, как уши у драера!

– Сам такой! – зло отозвалась Таня. – Не надо было мне показывать, как заколкой замок открыть! Я ж не думала, что в кабинете замок такой – ты его пальцем ткнешь, он и свистнет!

– Ладно. Не за то базар. Базар за то, шо теперь делать за эти алмазы, – резюмировал Туча. – И если за шо – тебя как, дурную, спасти.

– Меня-то зачем спасти? – Таня передернула плечами. – Я не брала алмазы во второй раз.

Вся беда заключалась в том, что после того, как Таня от-

несла алмазы Японцу, они исчезли прямо из его сейфа, из запертого кабинета в ресторане «Монте-Карло». И от такой наглости был в шоке сам Японец.

– Мишка сказал, что всю Одессу на уши поставит, – прокомментировал ситуацию Туча. – Сказал, из-под земли до-роет, кто такой борзый! Сказал, шо уши за горло так намотает, что ни один швицер не прознает за той бесславный гембель, за который из личного сейфа, из кабинета шлепер за-дрипанный алмазам сделал ноги!

– Японец все время водится не с теми людьми, – сказала Таня. – Вон сейчас вокруг него сколько политических. Ходят слухи, что он свел дружбу с красными. Может, они алмазам ноги и заделали.

– Красные? Не-а! – авторитетно замотал головой Шмаровоз. – Дурные они, как пробки, тупые, как из-под бочки обертки. Им такое ни за жисть не придет за голову, шоб вот такой финт ушами заложить за воротник. То явно кто-то из своих.

– Так, Туча, – Таня легонько стукнула кулаком по столу, – говори быстро, кто думает, что я у Японца увела алмазы во второй раз.

– Да нихто так не думает. Хотя кумекали, вроде, – Туча пожал плечами, – все знают, шо Японец за тебя горой.

– Значит, кто-то все же говорил. Кто?

– Ну, Котовский. В городе он неделю как вроде... – Туча нехотя отвел глаза, – да и разные всякие... Гарик.

– Гарик. Сучье семя, – Таня выругалась, стукнула кулаком. – Опять этот бабский ублюдок, под каблуком у истерички! Это ж надо мозги запрятать, шоб такое подумать! А Японец за это что?

– Ну Японец посмеялся, право дело, – сказал Туча, – рот ему быстро закрыл. Гарик и примолк. Сама знаешь, как с Японцем связываться. Базары разводить он не будет.

– Гарик, может, и не будет, – Тане было ужасно неприятна ситуация, в которую она попала, – а другие что говорят?

– Ты, Алмазная, брось думать за эти камушки, – Туча повысил вдруг голос, словно решил говорить, – тут дело похуже будет. Покруче, чем за вороньи яйца. Люди говорят, что это ты ту актрисульку пришила. Придушила за то, что та подсмотрела, как ты алмазы берешь.

– Что?! Что за чушь такая?! – Лицо Тани пошло красными пятнами. – Нелепая, дикая чушь! Туча! Шмаровоз! Вы же знаете, что я и пальцем никого не могу тронуть! Сколько я всем запрещала пушки на дело брать! Я же и мухи тронуть не могу, не то что человека! Да и не видел никто, как я алмазы брала.

– Мы то знаем, шо ты на мокруху неспособная, – тяжело вздохнул Шмаровоз, – а вот другие говорят... Сама знаешь – всем рот нельзя замолчать.

– Да, я взяла алмазы, – руки Тани задрожали, – но я не убивала ее. Я пальцем ее не тронула! Я и не знала, что она там ходит, в тот день.

– Слухи до Японца дошли, – сказал Туча, – он тебя к себе скоро вызовет, и тебе лучше придумать что-то поубедительней, чем про какую-то муху. За Кариной Котовский ухлестывал. Он бучу поднял.

– Я в этом и не сомневалась, – дрожащей рукой Таня откинула волосы с покрытого испариной лба. – Беда в том, что слухи ходят по городу, а я ни в чем не виновна. И я не знаю, как это доказать.

– А доказывать и не надо, – усмехнулся Туча, – пока тебя еще ни в чем не обвинили. Нет же у тебя, в конце концов, синих орхидей.

Вдруг вся кровь отхлынула от Таниного лица так, что перепугались даже Туча и Шмаровоз, выдавшие виды. Им вдруг показалось, что она потеряет сознание, упадет прямо здесь замертво. Шмаровоз вскочил из-за стола и бросился к графину с водой, стоящему на другом столе.

– Алмазная, что с тобой? – забеспокоился Туча. – Не пугай нас так, Алмазная!

Шмаровоз притащил стакан воды, и Таня жадно выпила его.

– Есть, – мрачно сказала она, ставя стакан на стол, – есть у меня синие орхидеи. И все в театре сейчас об этом знают.

И Таня рассказала им про неизвестного поклонника и его букеты цветов, которые она не решалась забрать домой. Туча и Шмаровоз слушали, затаив дыхание, широко раскрыв глаза.

– Выглядит так, словно кто-то пытается тебя подставить, – сказал Шмаровоз. – Чего ты, дурная, букеты не уничтожила?

– Он прав. Цветы нужно немедленно забрать. Если об этом прознают... – Туча покачал головой с самым мрачным видом.

– Так все знают, – Тане стало казаться, что земля рушится вокруг нее. – Я ни от кого эти цветы не прятала.

– Значит, надо немедленно пойти в театр и их забрать. Надо убраться их до того, как станут болтать языками, – сказал Туча. – Есть способ сделать это прямо сейчас?

– Так ночь уже. Кто меня в театр пустит?

– А через то окно, что ты людям вещи выбрасываешь? – сказал Шмаровоз.

Это был один из способов Тани. Забрав вещи в дамской комнате или в гримерке какой-нибудь из заезжих звезд, она быстро выбрасывала их в окно уборной на первом этаже. Под этим окном всегда стоял кто-то из ее людей, а она, вне всяких подозрений, возвращалась обратно в гримерку или на сцену.

– Да, это окно не закрывается, – задумчиво произнесла Таня, – а если и прикроют, я его гвоздем смогу открыть.

– Тогда надо идти сейчас. Есть люди в театре? – спросил Шмаровоз.

– Есть только сторож да ночной вахтер. Но они не ходят по этажам. Скорей всего, запрут на первом этаже и будут пить.

– Я с тобой пойду, – поднялся с места Шмаровоз, – идти

уже надо, не то завтра поздно будет.

– Поздно-поздно, – подтвердил Туча, – я завтра у Японца буду, он обязательно спросит, что да как.

– Ты думаешь, Японец может знать про мои цветы? – забеспокоилась Таня.

– Японец многое знает, потому он и король Одессы, – сказал Туча, – вот только интересно, эти цветы... Кто их тебе посылал?

– Не Японец, точно, – усмехнулась Таня.

– Не скажи. Может, крыса из его людей, чтобы тебя подставить. – Туча хорошо изучил повадки бандитского мира и знал, что в нем бывает и не такое.

– Под убийство Карины? – прямо спросила Таня.

– Это может быть Котовский. Чтоб ослабить Японца. А может, кто-то из его людей, решивший, что Японцу дальше с тобой не по пути, – Туча так и сыпал предположениями. – Вот если бы узнать, кто на самом деле Карину убил и за что ее убили, тогда бы все стало ясно.

– Да уж, яснее ясного, – зло фыркнула Таня, – и никто бы меня больше не трогал.

Таня ковырнула гвоздем разбухшую деревянную раму, и на нее сразу пахнуло сырым запахом старых канализационных труб. Рядом тяжело сопел Шмаровоз, пытаясь отдышаться от бешеной гонки по улицам ночного города.

– Здесь можно войти. Низко, – встав на небольшую при-

ступку, Таня подтянулась на руках, – рядом буфетная. Там по вечерам вообще никого не бывает.

Шмаровоз протянул ей маленький масляный фонарик, зажег фитилек. Сунул в руки запасную коробку спичек.

– Иди. Я здесь жду, – прислонился он к стене, – если услышишь кого, сразу туши. Или не туши – примут за привидение.

Тане было не по себе от того, что через несколько секунд она окажется в пустом, словно вымершем театре. Но еще больше не по себе ей было от мысли, что в любой момент к ней придут с обыском и найдут букет синих орхидей. Нет, уж лучше так.

Но все оказалось совсем не так страшно. В коридорах первого и второго этажа горел свет. Быстро юркнув в служебный вход, Таня оказалась там, куда выходили двери гримерных артистов.

На втором этаже за дверью гримуборной Беликовой слышались голоса. Таня остановилась, прислушалась. Мужской голос что-то пробубнил – слов было не разобрать. В ответ раздался визгливый смех Беликовой.

– Вы такой странный... Нет, право слово, странный, – смеялась она, – я вас боюсь...

В ответ мужской голос снова забубнил что-то. Ксения перестала смеяться. Когда же прозвучал ее голос, он был уже другим – натянутым, испуганным, немножко дрожащим:

– Нет, но это сделать я не могу. Какой вы, право...

Мужчина снова что-то забубнил. Тане стало скучно слушать. Беликова пытается отомстить Гарику и принимает очередного кандидата в хахали. Дело обыденное. Многие артистки так делают. Тем более примы, считающие себя звездами. Таню даже затошнило и, передумав слушать дальше, она тихонько пошла вперед. За дверью гримерки Беликовой мужской голос настойчиво что-то продолжал бубнить.

До своего верхнего этажа Таня добралась без приключений. Букет синих орхидей по-прежнему стоял на окне, зловеще мерцая в ярком лунном свете. Она схватила корзинку. От мокрой тряпки, укутывающей стебли орхидей, уже шел тяжелый гнилостный запах. Внезапно Таня почувствовала какой-то странный ужас – словно кто-то, стоя за спиной, наблюдал за ней. Это цветы навевали на нее страх. Стараясь отогнать от себя панику, Таня схватила корзинку с цветами и бросилась вниз.

Шмаровоз ее ждал. Они быстро пошли. По дороге Таня бросила корзину с цветами в какой-то мусорный ящик. Руки ее случайно коснулись лепестков, и она снова ощутила странную, леденящую дрожь.

Глава 5

Где орхидеи? Второе убийство. Допрос Тани

– А где твои орхидеи? Выбросила, что ли? Забрала домой, или как? – Бойкая девица по имени Виолетта, по последней моде крашенная стрептоцидом в ярко-рыжий цвет, подступила к Тане, едва та только показалась в дверях. Все было просто: шкафчик для переодевания Виолетты стоял возле окна, и первым делом в глаза бросился пустой подоконник. Тем более, что абсолютно у всех девиц, переодевавшихся в общем зале, Танины букеты из Оперного театра вызывали бешеный интерес.

– Или как, – хмурая, невыспавшаяся Таня хотела незаметно проскользнуть к своему шкафчику, но не тут-то было: бойкие девицы не давали спуску никому.

– Так что ты с ними сделала? – В глазах Виолетты горели и зависть, и интерес.

– Тебе-то что? Какое твое дело? – почти зашипела Таня.

– А может, и не ее вовсе тот букет был, – отозвался чей-то злой голос, – кто такой кошке драной роскошные букеты носить станет?

Таня в ярости обернулась на голос, но не определила говорившую. В комнату уже набилось достаточно много девиц, и все они трещали одновременно. Тане не хотелось ввязываться в очередной скандал, потому она развернулась и все-таки отошла от Виолетты.

– Только не говори, что ты забрала букет домой! – выросла за ее спиной Фира.

– И ты туда же! – рассердилась Таня. – Дался вам всем этот чертов букет! Надо было сразу его выбросить! И что вы только прицепились к этому дурацкому венику?

– А знаешь, почему так? – прищурилась Фира. – Слишком уж он хорош для простой статистики. Особенно сейчас...

«Особенно сейчас» означало, что в Одессе в очередной раз менялась власть. Германские части собирались оставить город. На подступах к нему намертво стояли банды атамана Григорьева. Малочисленные отряды красных, еще оставшиеся в Одессе, вели уличные бои с германцами и гайдамака-

ми. Красные дрались как черти, но заметно проигрывали и тем и другим – и по количеству людей, и по вооружению. Прошлой ночью несколько районов города так и не смогли заснуть от стрельбы.

Говорили, что люди Японца взяли крупный банк, но там была вооруженная охрана, поэтому пришлось открыть стрельбу. Перестрелка между бандитами и охранниками банка сотрясала ночные улицы. В результате банк был взят, хотя Японец потерял много людей. Но сохранить лицо в неудачной операции ему помогла невиданная добыча – он взял пять миллионов золотом.

Бороться с налетами в Одессе было некому, для этого не хватало ни оружия, ни людей. И хотя действовала сыскная полиция (так теперь именовалась бывшая народная милиция, до того бывшая полицией и жандармерией) и в нее даже вернулось несколько старых агентов уголовного розыска, работавших еще при царском режиме, но боролись они исключительно с бытовыми кражами и с такими же бытовыми убийствами, не требующими особенных расследований, потому что для большего не было ни средств, ни возможностей. Да и было бы откровенно, по-одесски смешно, если бы несколько человек, вооруженных устаревшими винтовками еще фронтового образца, принялись бы преследовать многотысячную, отлично вооруженную банду Мишки Япончика.

Таня тоже слышала отдаленную стрельбу. Это по центру Одессы разбегались, отстреливаясь от людей Японца, быв-

шие охранники ограбленного банка. Она по-прежнему жила на Елисаветинской улице, в той квартире, куда ее устроил Японец, и не собиралась ничего менять. Квартира ей нравилась, да и до Оперного театра было недалеко.

Не спала в эту ночь она по другой причине. Всю ночь ее мучили кошмары, и казалось просто невероятным оставаться в постели, лежать неподвижно, закрыв глаза. Лихорадочные, мятежные тени, злые духи сомнений и страха, снующие из угла в угол, ледяные щупальца ужаса от неизвестности, которая была хуже всего – все это заставляло сердце Тани биться в лихорадочном бреду, всю ночь нервно расхаживать по комнате, чтобы усыпить грызущее ее чувство непонятной тревоги.

В таком плохом, нервном состоянии Таня пришла в Оперный театр на очередную репетицию, которая должна была проходить в одном из репетиционных залов. На сцене быстро прогоняли балет. Через три дня должна была состояться грандиозная премьера, в которой Ксения Беликова исполняла заглавную партию.

Оставив свои вещи в шкафчике, вместе с другими девушками-статистками хора Таня стала спускаться вниз. Ей страшно не хотелось проходить по коридору второго этажа, где располагались гримерки ведущих артистов, – ее пугала встреча с Беликовой. Но другого пути не было, а потому Таня, сцепив зубы, ступила в ненавистный коридор.

Но что это? Там было полно людей. Артисты балета в

костюмах толпились прямо по центру коридора, нервными, громкими голосами переговариваясь друг с другом. Раздался громкий стук – кто-то изо всех сил колотил кулаком в гримерку Беликовой.

– Наверняка она очередной финт ушами выкинула, – хмыкнула Фира, и все девушки-статистки, в том числе и Таня, остановились в коридоре, присоединившись к толпившимся в нем людям, чтобы посмотреть.

Любопытство – важная черта для любой творческой личности, а потому не существует большего любопытства, чем в театре, где все сплетничают друг о друге и хотят всё друг о друге знать. Коридор быстро заполнился людьми так, что яблоку негде было упасть. Поползли разговоры – каждый старался выдать побольше подробностей.

– Заперлась в гримерке... Не отвечает... Ее выход... на сцене все только ее и ждут... у нее новый хахаль... ее бросил любовник... может, она беременна от того бандита, потому и не выходит... а может, просто свалила, загуляла и забыла про свой балет... А говорят, она к ведьме обращалась за приворотом... У нее был такой роман с немцем... может, немчура ее и пристрелил...

Кто-то снова загрохотал в дверь запертой гримерки кулаком.

– Посторонись, расступись! – расталкивая любопытных, в коридоре появились главный балетмейстер, режиссер спектакля и директор театра. За ними семенила заведующая хо-

зяйственной частью, по всей видимости, она несла ключ.

Таня вдруг вспомнила визгливый смех Беликовой и приглушенный мужской голос, который что-то говорил и говорил. Ей стало ужасно любопытно, и, поддаваясь какому-то совершенно не объяснимому ей самой порыву, она стала протискиваться вперед.

Руководство толпилось возле гримерной, а заведующая хозяйственной частью, пытаясь, пыталась открыть двери запасным ключом. Она колдовала над ней некоторое время, когда дверь вдруг открылась с жутким скрипом, и в коридор вырвался странный запах – словно сладковатый, приторный запах гниющих цветов.

Руководство ворвалось внутрь комнаты, следом проникли несколько особо настырных балерин. Женский крик, истошный женский крик, полный тоски и страха, повис в воздухе, а по толпе пролетела нервная дрожь.

Крик оборвался на резкой ноте. Раздался звук, словно кто-то упал. Чей-то голос завопил: «Скорее, нюхательная соль!» Расталкивая спины, Тане удалось ворваться в глубь гримерной.

Зрелище, открывшееся ее глазам, было из числа тех, что остаются в памяти до конца жизни. А потом настойчиво возвращаются в кошмарных снах.

На диване, большом диване, обитом алым плюшем, украшением гримерной, лежала Ксения Беликова, облаченная в воздушный белоснежный пенюар. Волны мягкого шифона

трепетали в воздухе, подхваченные сквозняком из раскрывшейся двери. И казалось, словно одеяние пытается поднять ее в воздух – невесомую красавицу со страшным отталкивающим лицом.

Распущшее, с закрытыми глазами, оно было багрово-черным. На шее был отчетливо виден затянутый несколько раз шелковый черный чулок. На груди же ее, на животе, на ногах были разложены синие орхидеи, уже не первой свежести, чуть привядшие, некоторые были даже полусгнившими. Цветы ярко выделялись на белом пеньюаре, бросаясь в глаза отчетливой, контрастной деталью. И во всем этом страшном зрелище было полно какой-то чарующей, трагической красоты, завораживающей так, как может заморозить что-то величественное, но в то же время ужасное.

А в воздухе, тяжелом, спертom воздухе стоял отвратительный, приторный аромат гниющих цветов, который не мог рассеять даже сквозняк.

– Она мертва!.. Мертва!.. – кто-то из женщин зарыдал, сзади слышались приглушенные голоса. – Задушили... в точности, как Карину...

– Всем выйти! – рявкнул директор театра – было видно, что руки у него заметно дрожат, а по лицу начали расплываться малиново-багровые пятна. – Всех вон! Посторонние – вон!

Но его слова попросту потонули в толпе, к тому моменту уже набившейся в страшную комнату.

Завороженная, не в силах отвести глаз, Таня смотрела на страшное лицо Беликовой, по которому от ветра и от сквозняка пробегали какие-то мрачные тени. Глаза ее были закрыты, полностью утопленные в этом вспухшем, страшном, черном лице, и было ясно, что блуждают они теперь по совершенно другому миру, отчего на неподвижной маске неестественно застыло какое-то вселенское спокойствие.

Ужас так сильно охватил всех собравшихся, что голоса затихли, и в комнате сама по себе наступила гнетущая тишина. Тане же, смотревшей напряженным, неподвижным взглядом, вдруг показалось, словно лицо балерины дрогнуло, чуть поворачиваясь в ее сторону, так, как будто мертвая Беликова хотела ей что-то сказать.

Тане захотелось перекреститься, чтобы избавиться от страшного наваждения. Но, возможно, это действительно был призрак, грозный призрак, предупреждающий или просящий о чем-то.

В тишине буквально было слышно, как всех присутствующих бьет нервная дрожь. Никто не решался пошевелиться, никто не смел прикоснуться к труп. Магия ужаса довлела над собравшейся толпой, заставляя затаить дыхание. Или дышать – но только уже не так, как прежде.

И над всем этим страшным молчанием вдруг прозвучал громкий голос Виолетты:

– Таня, это же твои орхидеи, из корзины! Так вот куда они делись!

– Что ты сказала? – Директор театра резко обернулся к Виолетте. Вдруг оказалось, что та находится прямо за спиной Тани: ей тоже удалось пробиться в комнату.

– Вот ее цветы, говорю, – Виолетта ткнула в спину Тани пальцем, – ее цветы были... В раздевалке.

Вдруг все заговорили одновременно, заглушая друг друга, словно замечание Виолетты сняло заклятие, нарушило околдовавшую всех тишину.

– Это правда? – Директор театра уставился на Таню немигающими глазами, в упор. – Она говорит правду?

– Нет... да... я не знаю... – Таня совершенно растерялась и просто не понимала, что говорит.

– Мы уже послали за полицией. Ждите в раздевалке. Возможно, с вами захотят поговорить. – Взгляд директора театра был тяжелым – не каждый день происходила подобная ситуация. – А сейчас все уходите! Уходите немедленно! До прихода полиции!

Кто-то из тех, кто находился рядом с трупом, накинул на лицо Беликовой шелковый фиолетовый платок с набивными цветами. Стало похоже, словно ее голова находится в каком-то странном мешке, отчего зрелище было еще более неприятным.

Любопытство собравшихся было полностью удовлетворено, и они стали расходиться, приглушенными голосами переговариваясь друг с другом.

– Подождите, – директор театра остановил Таню за руку, –

я передумал. Вам лучше подождать приезда полиции в соседней комнате вместе с нами всеми.

— Это не мои цветы, — Таня попыталась взять себя в руки, хотя ее голос все еще дрожал. — Я не имею ко всему этому никакого отношения.

— Но цветы у вас были. Такие же цветы... — Взгляд директора не предвещал Тане ничего хорошего.

— Я свои выбросила. Несколько дней назад.

— Все равно. Вам лучше дожидаться полиции. Вас никто ни в чем не обвиняет. Мы разберемся и закончим со всем этим. — Взяв Таню под локоть, директор вывел ее в соседнюю комнату.

Фира хотела последовать за ними, но ее остановили, захлопнув дверь прямо перед ее носом. Девушка осталась за порогом, и было слышно, как она проворчала: «Виолетта, гнусная сука».

Таня поспешно опустилась в кресло возле стены, чувствуя, как из груди вырывается бешено бьющееся сердце.

Их было трое, представителей полицейской власти, которые с чугунными лицами следили за тем, как выносят тело. Еще был отряд вооруженных солдат. Они оцепили коридор, и больше никто из любопытных артистов не смел проникнуть на место убийства. Перепуганные, они толпились этажом ниже, шепотом передавая друг другу страшные подробности.

К счастью, руководители театра было точно такими же

творческими личностями, как и артисты, то есть любопытными сплетниками, а потому не могли удержаться от того, чтобы не передать другим подробности информации, которую слышали от властей. Самым разговорчивым был дирижер. Его допрашивали первым, чтобы отпустить на репетицию – все-таки премьеру никто не собирался отменять, хотя режиссер и ломал голову, кем заменить Беликову. Сложный вопрос замены решился достаточно легко: у Ксении была дублерша, талантливая молодая балерина, отлично знавшая сольную партию. И хотя прима буквально съедала девушку и делала все, чтобы не допустить к участию в репетициях, дублерша отличалась сильным характером. Она подсматривала все репетиции из-за кулис, видела, как и что делала Беликова, и знала партию назубок. Теперь, к счастью, она могла повторить все и заменить солистку. Режиссер и директор театра решили на ходу, что премьеру отменять не будут, а на сцену выпустят дублершу.

Так от дирижера, спешившего на репетицию, а потому отпущенного первым страшными, непонятными властями (там был и германец, и представитель УНР, а кто был третий, никто не мог разобрать), все узнали некие подробности о том, как произошло убийство.

Ксению Беликову убили ночью, где-то между двумя и четырьмя часами ночи. И, по словам судебного медика, перед смертью она была настолько пьяна, что совершенно не могла сопротивляться. Это значит, что задушить ее могла и жен-

щина. Сделать это было легко, если пьяная Беликова прилегла на диван и отключилась.

В гримерной нашли шесть пустых бутылок из-под шампанского – все знали, что Беликова питает слабость именно к этому напитку. Разумеется, Ксения от такого количества сильно опьянела и почти потеряла над собой контроль. В любом случае, состояние ее было таким, что она не могла даже двигаться, чем и воспользовался убийца.

Следов насилия как над женщиной обнаружено не было. Не было также следов другого насилия на теле – синяков, побоев, порезов. Очевидно, к убийце Беликова питала доверие, так как впустила его в свою гримерную сама и совершенно его не боялась.

Учитывая, как была одета Ксения, убийцу она не стеснялась, и потому принимала его в откровенном пеньюаре. А значит, убийцей мог быть либо любовник, который видел ее в нижнем белье, либо близкая подруга или коллега, женщина, и ее тоже нечего было стесняться.

На подругу-женщину указывало и то обстоятельство, что на лице Беликовой не было следов косметики, она полностью сняла грим. Кто-то из уголовных агентов высказал мнение, что для любовника, мужчины, Беликова, наоборот, постаралась бы накрасить лицо, чтобы выглядеть красивее. А вот женщину вполне можно было встретить и ненакрашенной.

Чулок, которым ее задушили, был женским. Фильдеперсовый, но тонкий, не теплый, то есть как раз подходящий по

сезону. В городе было полно таких чулок – их возили контрабандой, и местные модницы нарасхват раскупали этот товар.

Немного озадачивал тот факт, что фильдеперсовый чулок был деликатным, тонким и мог порваться, если его сильно потянуть. Но убийца предусмотрел и это, так как несколько раз обмотал чулок вокруг горла жертвы.

Следом за разговорчивым дирижером отпустили режиссера. Он добавил к рассказу деталь о том, что убийство Ксении Беликовой как две капли воды напоминало убийство Карины: там точно так же был обмотан вокруг горла чулок в несколько слоев, точно так же жертву захватили врасплох. Правда, Карина не была пьяна, но ведь и она не вздумала сопротивляться.

Единственным отличием стали цветы. Если на труп Карины было много разных цветов – орхидеи, гвоздики, лилии, гардении, розы, и все они были свежие, то на теле Ксении Беликовой были исключительно орхидеи, да и то уже увядшие, словно они не один день стояли в воде, источавшие довольно неприятный, гнилостный запах.

Это различие явно что-то означало, но никто из агентов не понимал что. Тем не менее, об этом говорилось, а потому режиссер, выйдя после допроса, не замедлил распространить информацию дальше.

После них был приглашен директор театра. Но он вышел быстрее, чем все остальные, в таком состоянии, что никто не осмелился приставать к нему с вопросами. Он ничего и не

рассказывал.

Следующей в кабинет, временно занятый следственными органами, пригласили Таню. Она вошла не очень уверенно, и с несвойственной ей робостью притворила за собой дверь. Затем тревожными глазами оглядела комнату.

За письменным столом сидел военный в форме УНР, и Таня догадалась, что это он будет писать протокол допроса. Еще один, гайдамак, расположился за столом напротив. О подоконник окна облокотился человек в немецкой форме – Таня сразу узнала ее. Ей велели сесть на стул, стоящий посередине комнаты.

Она села и стала диктовать свои данные, которые быстро заносились в протокол: имя, фамилия, дата рождения, подданство, домашний адрес, должность на службе... Пока Таня говорила свои данные, немец закурил вонючую сигарету и что-то скомандовал лающим голосом.

– Офицер велит объяснить, в каких отношениях вы состояли с убитой, – перевел гайдамак, сидящий напротив того, кто писал протокол, и Таня поняла, что это переводчик.

– Ни в каких. Мы служили в одном театре. Но она была звездой, а я – статистка. Она даже не знала моего имени, – скучным голосом ответила Таня.

– Вы были подругами? – перевел вопрос переводчик.

– Нет. Мы почти не были знакомы, – она отвечала очень четко.

– Тогда почему вы подарили ей цветы?

– Я не дарила ей никаких цветов, – услышав этот вопрос, Таня ответила совершенно спокойно.

– Нам сказали, что цветы ваши.

– Это ошибка. Цветы не мои.

– Вы убили ее? – не выдержав, рявкнул немец, и, услышав перевод, Таня все же вздрогнула.

– Нет. Я ее не убивала.

– Вы были ночью в Оперном театре?

– Нет, не была.

– А у нас есть информация, что ночью вас видели в театре.

– Кто видел? Это ошибка. Я была ночью в своей квартире. В театре меня не было.

– Значит, вы не были знакомы с убитой?

– Нет, близко не была. Только виделись на совместных репетициях, но никогда не разговаривали.

– А у нас есть информация, что вы поссорились с ней на кинофабрике.

– Это была случайная размолвка насчет костюма.

– Вы угрожали ее убить. Задушить.

– Ничего такого я не говорила.

– У нас есть свидетели. – Допрос продолжался, как по протоколу: вопрос – ответ. И никто пока не уходил в сторону.

– Я ничего подобного не говорила. Мы просто поссорились из-за костюма, и я обругала ее в пылу гнева. Но я не угрожала ее убить.

– У вас есть любовник?

– Нет.

– Вы знали, с кем встречается убитая, кто ее любовник?

– Нет. Откуда? Мы не были подругами.

– Может, вами заинтересовался мужчина, с которым встречалась убитая?

– Ничего подобного не было.

– У вас есть фильдеперсовы чулки?

– Да. – Тут Таня не смогла сдержать удивления. И это ясно прозвучало в ее голосе. – Есть. Одна пара. Статистики зарабатывают мало. Они и сейчас на мне. Хотите посмотреть? – Она подвернула юбку и кокетливо показала на бедре подвязку чулка. При этом писарь оторвался от протокола и выпучил глаза, а переводчик похотливо ухмыльнулся. Лицо немца пошло красными пятнами, и он что-то заорал, словно закаркал, произнося непонятные для слуха Тани ругательства. И потом вдруг перешел на сносный русский:

– Немедленно прекратите эту мерзость! Здесь вам не бордель! Что за наглость вести себя так с представителем власти! – Переводчик включился не сразу, ухмыляясь он просто повторял уже прозвучавшие слова. Было ясно, что Таня произвела на него впечатление.

– Отвечать по существу, иначе будете арестованы за убийство! – Последнее предложение прозвучало в абсолютной тишине – переводчик понял, что и без него все ясно.

– Вы не можете меня арестовать, – Таня старалась говорить спокойно. – У вас нет доказательств. Я ее не убивала.

– Вы ругались с ней на кинофабрике.

– Так же, как и все остальные девушки. Она ссорилась со всеми, и все девушки с ней ругались. Вы хотите арестовать всех, – она сделала ударение на слове *всех*, – статисток? Тогда имейте в виду, что у покойной был ужасный характер. Ее ненавидели все, особенно те, кто был знаком с ней ближе, чем я.

– У нас есть сведения, что у вас были синие орхидеи. Куда делся ваш букет?

– Я его выбросила. Цветы завяли, и я выбросила их три дня назад. Ксения Беликова была тогда еще жива и здорова. – То ли от страха, то ли из-за упрямства Таня говорила громко и уверенно.

– Учтите, вы находитесь под подозрением. Сейчас мы вас отпускаем, но вы обязаны не менять места жительства и по первому требованию властей явиться в полицию...

Тане сунули бумажку, где было все это написано, и велели подписать. Она подписала, чувствуя, как дрожат ее руки.

Когда Таня вышла, ее тут же окружила толпа любопытных.

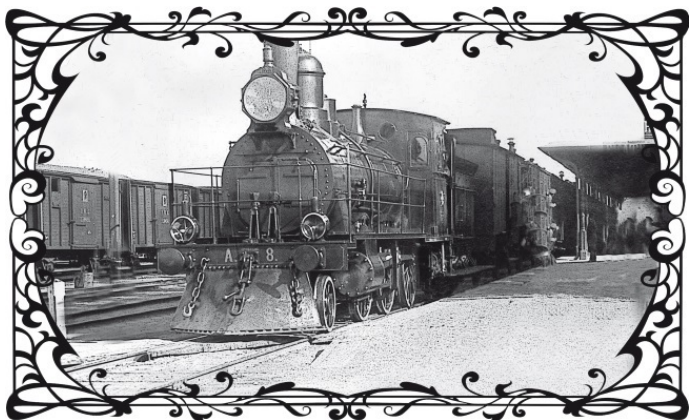
– Ничего страшного. Это просто пустая формальность. Они знают, что цветы были не мои, – машинально говорила она, поворачиваясь во все стороны и, похоже, не понимая, что происходит.

Но на самом деле Таня не чувствовала уверенности. Она старалась держаться как всегда, но ее сорочка от страха при-

липла к спине от пота. И вокруг все сильнее сжималось черное, пугающее ощущение беды – беда шла следом...

Глава 6

*Эlegantная дама в купе поезда, следующего в Одессу.
Прибытие звезды. Предчувствия актрисы. Разговор Та-
ни с Японцем. Афиша в его кабинете*

Ливень поздней весны накрыл Одессу сплошным потоком. Небеса, похоже, окончательно разверзлись и хлынули потоки ледяной воды, как будто стремясь смыть с лица земли всю грязь, покрывавшую южный город.

Дождь начался к вечеру. Он вызвал панику у всех, кого застал на улицах. Толпящиеся в дверях многочисленные посетители открытых летних кафе поначалу бросились внутрь

помещений. А официанты сбились с ног, стараясь поскорей занести мебель с открытых летних террас, ведь в городе было тепло, и все кафе уже выставили летние столики под разноцветными, красочными зонтами.

Вслед за ливнем и вечером в город пришла темнота. Дождь не прекратился, а наоборот, усилился. Уличного освещения не было, и единственными светлыми пятнами стали белые листки афиши, которые расклеили днем до дождя.

Каждый столб, каждая тумба стали бело-черными от портретов с броскими надписями: «Королева экрана»... «Театр Гротеск»... Дождь сорвал их почти все, и белые листы бумаги сначала танцевали на ветру, как воздушные кружевные платья, а потом, как осенние листья, отжившие свой срок, падали вниз, на темный асфальт, где застывали в неподвижности под ногами редких прохожих и – самое страшное – под копытами лошадей, запряженных в пролетки, увозящих жителей Одессы от бушующей непогоды...

Потоки воды и уличная грязь не щадили женского лица, занимающего центральную часть афиши, словно намеренно стараясь залить и его, и строки о «Театре Гротеск» и «Королеве экрана». Однако дождь как мог смывал черные пятна грязи с белой бумаги, и редкие прохожие поневоле все же останавливались возле афиш и бросали на них взгляд.

Дождь не прекращался сутки, и когда он наконец утих, афиш в городе осталось очень мало. Намокшие, уничтоженные, они устилали улицы, их подметали и выбрасывали вы-

шедшие на улицы дворники. Им было все равно – есть афиши на столбах, нет их. Поэтому оставшиеся каким-то чудом висеть афиши их не волновали: висит и висит. Дождевые разводы придавали изображенному на них женскому лицу какое-то странное, необъяснимое выражение глубокой печали, но это, похоже, не волновало не только дворников – это никого не волновало.

На подъезде к Одессе поезд полз очень медленно, останавливался возле каждого столба. И в рассветной мгле было видно, как поднимается над залитыми водой полями сырой туман, вызывая неосознанное, какое-то щемящее и совершенно необъяснимое чувство тревоги.

Несмотря на ранний час, никто не спал. Близость Одессы взбудоражила уставших пассажиров, и во всех купе уже полнотью одетые, готовые к выходу из поезда люди пили чай и переговаривались тревожными голосами.

Очень красивая молодая женщина с копной растрепанных, пушистых черных волос внимательно смотрела в окно на туман, поднимавшийся над полями. Ее нежно-сиреневое платье поражало явно парижской утонченностью. Элегантная шляпка лежала на коленях. А в ушах и на груди дамы сверкали изумительной красоты капельки бриллиантов.

В купе, откуда она рассматривала окрестности Одессы, кроме нее находилось довольно много людей: две маленькие девочки, пожилая дама, которая за ними присматривала, и

несколько мужчин. Маленьким девочкам было трудно усидеть на месте, и они постоянно теребили друг друга, пожилую даму и крошечную черную собачку, выглядывающую из большой коробки. Та, приняв дозу внимания, в ответ принималась визгливо лаять, добавляя еще больше суматохи.

На столе в стаканах остывал чай.

– Мама, можно мне сахарный пряник? – Девочка постарше потянула даму в сиреновом платье за рукав. – Ну тот, который зайчик.

– Нет, мне зайчика! – тут же включилась в спор младшая девочка. – А чего это ей зайчика? Мне тогда два пряника!

– Это мне два!

– Нет, мне! Тебе не зайчик!

Девочки принялись препираться, дама обернулась и, ласково улыбаясь, нежно погладила меньшую по щеке.

– Вам обеим хватит зайчиков, не надо ссориться! Пряников сколько угодно!

Дверь купе отворилась, и на пороге появился элегантный, подтянутый, сияющий бодростью, несмотря на ранний час, Дмитрий Харитонов. Он как-то по-театральному поцеловал руку дамы в сиреновом платье.

– Господин Харитонов, это правда, что в поезде много вооруженной охраны? – Женщина, не заметив никакой театральности, вскинула на него серьезные, встревоженные глаза.

– Дорогая Вера, вам нечего беспокоиться. Дорога совер-

шенно безопасна, уверяю вас, – отработал он.

– Разве? Все только и говорят о бандах, засевших на подступах к Одессе и обстреливающих поезда!

– Это преувеличение, – усмехнулся Дмитрий. – Нет ничего страшного. На самом деле поезда безопасны, до Одессы можно доехать спокойно. Вы очень скоро сами в этом убедитесь.

– Еще говорят о бандах в самой Одессе, – нахмурилась она. – Ходят страшные слухи о бандитах, которые терроризируют город.

– Ох, ну вы такое скажете! – картинно смеясь, Харитонов опустился на диван рядом с дамой. – Я вас уверяю: вам никто не причинит вреда! Знали бы вы, с каким нетерпением вас ожидают в Одессе! Да ни один одесский бандит не посмеет тронуть Королеву экрана! Вас обожает весь город и все бандиты – без исключения! Едва вы ступите на одесскую землю, как вся Одесса будет у ваших ног!

– Вы, как всегда, преувеличиваете. – Молодая женщина рассмеялась. Было видно, что ее искренне смущают слова Харитонова. – Но в поезде все-таки есть вооруженная охрана! Я видела...

– Это только ради безопасности пассажиров, ничего страшного.

Поезд остановился у очередного столба. Захрипев, вагоны дернулись, закрипели, застонали.

– Состав хрипит, как в агонии, – вздрогнув, сказала она, –

почему он останавливается так страшно? От этого скрипа и визга тормозов так гадко становится на душе! И мысли тревожные... Вся словно покрываешься холодным потом...

— Что вас тревожит? — Харитонов стал необычайно серьезен.

— Я не знаю! — Дама задумчиво провела рукой по лицу. — Мне сложно объяснить... Но я чувствую себя так... Так странно... и даже начинаю жалеть, что согласилась на ваше предложение.

— Вы не пожалеете ни одного дня, уверяю вас! — с горячностью воскликнул Харитонов. — Я сделаю все, чтобы пребывание в Одессе стало самым счастливым временем в вашей жизни! Вас ждет в нашем городе грандиозный успех!

Словно устав от долгого молчания и от того, что на них не обращают внимания, девочки внезапно атаковали мать сразу с двух сторон. И, мгновенно оторвавшись от тревожных мыслей, она полностью занялась своими дочерьми, при этом было видно, как посветлело ее лицо.

Несмотря на утренний час, на перроне одесского вокзала толпилось довольно много людей, при этом большую часть составляли нарядно одетые дамы. Они с любопытством выглядывали вдаль, в руках у многих из них были цветы. Наконец вдали, в туманной дымке серого утра, показались красные огни поезда.

— Он! Московский! Точно он! — Общий гул голосов плотной массой раздался сразу со всех сторон, постепенно разби-

ваясь на мелкие брызги. – Она точно едет на этом поезде?.. Циля, не тошните на мои нервы, лучше замолчите свой рот и сделайте мне до вечера ночь!.. Шоб я так жил, как это не за тот поезд!.. Сема сказал, а он точно знает – ему двоюродный брат из Житомира в письме написал за то, что точно из Москвы она приедет!.. В газете пропечатали, а это вам не за здрастье!.. Газета вам холоймес разводить не будет!..

Каждый говорил свое, а поезд, хрипя и дрожа, медленно приближался к перрону, судорожно вздрагивая всем своим изогнутым металлическим телом. Наконец он остановился. На перроне тут же появились два солдата в форме – они были призваны сохранять порядок.

– Потеснитесь! Не напирайте на ноги! Мадам, сдайте взад! – Солдаты пытались уговорить напирающих людей отойти немного дальше от поезда. – Все увидите за своими глазами! Промеж вас никто сквозь поезд не проскочит! Поберегись!

Поезд вздохнул в последний раз и остановился. Двери открылись. В толпе начали кричать. Первыми появились какие-то обычные пассажиры – толпа разочарованно заворчала. Пугаясь собравшегося народа, они быстро стремились проскочить в образованный солдатами коридор. Так продолжалось какое-то время.

И наконец толпа была вознаграждена сполна: в дверях появился Дмитрий Харитонов, а сразу следом за ним – дама в сиреневом платье. Смущенно улыбаясь, она приветливо мах-

нула толпе рукой.

– Да, да! Она! Вера! Вера Холодная! – завопила толпа. – Вера Холодная! Она самая!

Даме протягивали цветы, и очень скоро она вся была почти завалена огромными букетами. Двое шедших за актрисой мужчин старались их подхватить – это были актеры из съемочной труппы Харитонов, одновременно они стали телохранителями актрисы.

Защелкали затворы фотоаппаратов – сквозь толпу поклонников быстро пробились журналисты, стремясь сделать ценные кадры первых шагов звезды на одесской земле.

Количество солдат увеличилось. Они сдерживали толпу, давая актрисе возможность пройти по этому коридору.

– Видите – вас здесь обожают! – наклонившись, почти прокричал Харитонов на ухо актрисе, стараясь заглушить шум толпы. – Посмотрите, сколько поклонников! И это несмотря на ранний час.

– Просто здесь идут только мои фильмы, – нервно улыбнулась она.

– И все без исключения обожают ваши фильмы! – с горячностью сказал он. – Разве их можно не любить?

Окруженная членами съемочной труппы, Вера Холодная быстро шла к выходу с вокзала, где ее уже поджидал большой черный автомобиль. Следуя за актрисой, пожилая дама крепко держала за руки девочек, которые, судя по их поведению, были немного перепуганы происходящим.

– Мама, почему на тебя так кричат все эти люди? – младшая девочка сморщилась, словно собираясь заплакать, – мне они не нравятся! Мне здесь не нравится! Хочу домой!

– Эти люди просто обожают вашу маму! – перебил ее Харитонов. – Они все ее поклонники! Ваша мама настоящая королева экрана, и они никогда не причинят ей вреда!

– Мама, ты королева? – удивившись, малышка даже передумала плакать. – А где твоя корона?

– Ну конечно, у твоей мамы есть настоящая корона, – улыбнулся Харитонов, – и она скоро ее наденет.

Беседуя так, все шли к автомобилю. Большая часть поклонников осталась на перроне. До автомобиля было совсем близко, как вдруг Вера остановилась и замерла, как вкопанная.

– Что это?

На земле, под самыми ногами изображением вверх лежала афиша, сорванная с фонарного столба. Дождь размыл фотографию, и лицо актрисы на афише словно расплылось, растеклось, смазалось, а под глазами протекла краска, так что казалось: она горько плачет черными слезами...

– Афиши концерта... Дождь сорвал... По всей видимости, дождь сильный был... Видите, земля мокрая... – забормотал Харитонов, не понимая, почему вдруг лицо Веры стало болезненно-белым и с него разом схлынули все краски.

– Но это же плохой знак! Лицо размыто... Совсем плохо... – Она вдруг задрожала так сильно, словно на нее нале-

тел шквальный порыв ветра. — Это плохой знак...

— Да господь с вами, что вы, ничего серьезного... — Харитонов из всех сил пытался ее успокоить. — Это же дождь, просто дождь...

Видя, что мать взволнована, младшая девочка все же расплакалась. Подхватив ее на руки, актриса быстро села в ожидающий ее автомобиль.

Таня с легкостью поднялась по ступенькам служебного входа, из всех сил стараясь держать себя в руки. Ей это удалось. По ее внешнему виду никто бы и не сказал, что уже очень давно она плохо спит, вспоминая, как была на допросе в полиции. Человек с менее чувствительным сердцем забыл бы все очень быстро — тем более, что никто не трогал Таню вот уже несколько недель. Но она была другой — она не умела легко забывать. Ее душу мучил страх. И даже в долгом молчании полиции ей тоже чудился подвох.

В этот вечер Таня пришла в кабаре не потому что должна была выступать, а в поисках Тучи, с которым нужно было обсудить кое-какие дела. Жизнь в кабаре была напряженной, потому что никто еще не видел нового владельца. Тофик уехал, сбросив все дела на Тучу, и фактически он остался здесь единственным начальством. За работу он взялся лихо. К примеру, даже во внутренних коридорах служебного входа висели яркие красочные афиши, бросающиеся в глаза. Именно такую афишу и увидела Таня. «Неповторимый

сеанс гипноза... Всемирно известный гипнотизер... Проездом из Парижа в Рим... Только один вечер... Тайны человеческого мозга... Психологические опыты и практические сеансы гипноза»... Господи, да она до конца и понять всего не смогла.

Прочитав про всемирно известного гипнотизера, Таня фыркнула. На что только не шел Туча, чтобы привлечь публику! И надо сказать, что ему это отлично удавалось. Но Таня не собиралась смотреть на гипнотизера: тайн человеческого мозга ей вполне хватало в реальной жизни.

Она быстро миновала лабиринт внутренних коридоров и вышла в общий зал, где, как и в любой будний день, было не очень-то много посетителей. Тучи там не было. И Таня разочарованно остановилась, пытаясь лихорадочно понять, куда же он делся. В этот момент кто-то тронул ее за плечо. Таня резко обернулась. Это был Петр Инсаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.